

ГОЛОС ТРУДА

THE VOICE OF LABOR

Цена отдель-
ного номера 2с.

Освобождение рабочих
должно быть делом
самых рабочих

В единении — сила!

Безпартийный орган
русских рабочих в Америке

Выходит ежемесячно.

Издание Русской Рабочей
Группы в Нью-Йорке

Условия подписки

В Соединенных Штатах:	В Канаде и за границей:
На год 35 центов	На год 50 сент.
На полгода 20 "	На полгода 25 "

Отдельные номера по 2 сента можно получать на стендах в Нью-Йорке и во всех городах Соед. Штатов и Канады.

Все корреспонденции на имя „Голоса Труда“ должна быть направлена по следующему адресу:

Рукописи должны быть написаны четко, на одной стороне листа и иметь подпись автора, с указанием его адреса. Рукописи, признанные неудобными к печати, уничтожаются, если на посылку их не были присланы почтовые марки.

Адрес для писем: „GOLOS TRUDA“, P. O. Box 41 Sta. D, New York, N. Y.

Год II.

NEW YORK, MARCH 1st 1912

Vol. II.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая статья
Русский обзор Один
Повесть борьбы (стихотворение) . . . И. Малев
За мир Кочевой
Заграничный обзор Кни
Недостатки синдикализма К. Ортеган
Она идет Ма-ев
Сельская ассоциация В. Вортновский
Весна, весна идет!.. (стихотворение) . . . Е. Н.
Юган Мост Р. Роккер
Как лидер французской социалистической партии
начинает вводить социализм через буржуазный
парламент и как он хочет милитаризовать

французский пролетариат А. В.
Помни о смерти Ал. Градов -
Сумют ли рабочие обойтись без хозяйской вла-
сти А. Р.
Забастовка в Лауренсе С. Степанов
Чему учит Парижская Коммуна П. Волош
Средние классы общества К. Васин
Мексиканская революция „Фр. Арб.“
Новое Евангелие П. Бертоло
Известия и отчеты
Объявления

По случаю годовщины „Голоса Труда“ настоя-
щий номер выпускается в увеличенном объеме.

Нью-Йорк, 1 марта 1912 г.

Сегодня истекает ровно год со дня выпуска
первого номера „Голоса Труда“ и полтора года
со времени образования Русской Рабочей Груп-
пы, издающей его.

Как бы ни оценивались эти события в лагере
наших идейных врагов, для наших идейных дру-
зей и единомышленников это — события чрезвы-
чайной важности. Они ярко свидетельствуют о
том, что трудящиеся уже не довольствуются на-
вязанным им извиг, чуждыми их стремлениям иде-
алами, а воспринимают новые, более близкие им
идеалы и вырабатывают в своей среде этику, мо-
раль и идеологию, более соответствующую их ду-
ховным и экономическим запросам.

А для этого нам, лишенным волею богачей бо-
лее широкого образования и развития, необходи-
мо знание. Оно необходимо нам не только для это-
го, но и для того, чтобы по мере наших сил мы
могли способствовать приближению социальной
революции, а по ее наступлении знать, что нам
нужно делать и чего делать не следует.

Недостаточно, например, знать, что в „сво-
бодной“ американской республике крупные и
влиятельные воры пользуются равной свободой с
ворами и бандитами самодержавной России, тог-
да как голодный бродяга, за взятый им кусок хлеба
для утоления голода, заключается на несколько
лет в тюрьму; что здесь, как и в самодержав-
ной России, полицейский клуб одинаково свобод-
но гуляет по спинам рабочих, а их ничтожный

и протест — встрѣчается штыком и пулей; что
здесь, как и там, судьи извращают, измѣняют и
отмѣняют закон, когда это нужно господствующим
классам общества; „преступники“ подверга-
ются таким-же позорным телесным наказаниям;
женщины и дети избиваются; издевательства
над неграми процветают и т. д. и т. д. до беско-
нечности, — недостаточно знать, что такие вопи-
ющие несправедливости совершаются, а нужно
еще знать почему между самодержавной Россией
и „свободной“ американской республикой нет
почти никакой разницы.

Недостаточно знать, что закон, государство,
парламент, милитаризм и т. п. вредны или ненуж-
ны рабочим, а нужно еще знать, почему именно
вредны и не нужны. Нужно знать, почему сыла-
ется навязать нам мысль о необходимости соблюде-
ния законов, охраны частной собственности, воз-
держания от насилий или непосредственного воз-
действия, саботажа, всеобщей стачки и т. п.

Нужно знать, почему мы должны организо-
ваться в класс, а не в партию, словом, мы долж-
ны знать многое, что нам нужно делать до и по-
сле социальной революции, чтобы плоды наших
попыток не воспользовались другие, как это было до
сих пор.

Знание — сила. Дать это знание, вот цель „Го-
лоса Труда“, которую он, по мере сил, средств и
возможности, стремится осуществить. Он дает
все более ценное, совершенное и соответствующее
интересам рабочих, что может дать, как в
идейном и принципиальном, так и в литературном
и художественном отношениях, безотносительно к
тому, кем оно написано. В задачи „Голоса Тру-
да“ не входит поощрение невежества за

счет знания, как не входит искажение
идей и принципов, хотя бы автор преподнес их
нам в безукоризненно литературном и художест-
венном, но извращенном виде. И то и другое не-
приемлемо для „Голоса Труда“, как не соответ-
ствующее интересам рабочего класса.

„Голос Труда“, встреченный в минувшем го-
ду более, чем сочувственно, вступает во второй
год издания с бодрой надеждой и верой в возмож-
ность дальнейшего существования и развития,
тем более, что, судя по всем данным, товарищи
рабочие все глубже проникаются сознанием необ-
ходимости общих усилий и жертв для общего де-
ла. Мы-же, как читатели могут усмотреть из по-
мещаемых в настоящем номере отчетов, более,
чем экономно расходует поступающие на „Голос
Труда“ и в группу суммы.

При таких условиях в недалеком будущем лег-
ко может осуществиться заветная мечта Русской
Рабочей Группы и многих товарищей о выпуске
„Голоса Труда“ двух раз в месяц, особенно, если
иметь в виду, что литературными силами мы
обеспечены настолько, что свободно могли бы из-
давать еженедельник.

Остановка лишь за средствами, а средства
мы можем и должны добыть общими усилиями
идейных единомышленников: добровольными
взносами, устройством предприятий, продажей
„Голоса Труда“, словом, всеми доступными нам
способами.

Итак, товарищи, примемся дружно за дело и,
по примеру трудящихся других наций, выкуем
сильнейшее из оружий рабочих в борьбе с капи-
талом и властью — свой рабочий орган.

РУССКІЙ ОБЗОР.

Кое гдѣ рабочіе, не смотря на всю свирѣпость полиціи, помянули демонстрантов краснаго воскресенья, 9 января 1905 г., подлѣ убитых Николаем Готорном. В Ригѣ произошло столкновение между выкинувшими красныя знамена рабочими и полиціей. Стрѣляли с обѣих сторон. Но в общем — все тихо. Похожа, очень похожа эта тишина на тишину перед бурей; нѣтъ в ней ничего общаго с кладбищенскою тишиною, по которой вздыхают могильщики наших свобод.

В деревнях востока — страшный голод-мор, перед ужасами котораго блѣднѣют ужасы голоднаго 1891 года и перед которым все отступает на дальній план. В других мѣстах кипит вражда между крестьянством и захватчиками земли: аграрный террор (нарядка и бойкот) все чаще и чаще регистрируется сторонними наблюдателями. Годы пропаганды не сдѣлали бы того, что сдѣлал недалекий Столыпин со своим законом 9-го ноября. В буквальном смыслѣ слова он революционизировал крестьянство. Начиная завтра всеобщая городская забастовка, крестьянство покажет себя.

Что можно сказать о наших лѣвых теченіях в Россіи. Общее впечатлѣніе таково, что работают социал-демократы и анархисты, а о социалистах-революционерах что-то не слышно. Впрочем, многих из них не отличишь от социал-демократов.

Что касается до интеллигенціи, то она читает свои шумливыя газетки, ждет движенія, но сама не рискует на выступленія. А правительство — оно, по прежнему, удивительно. Дѣло не в том, что оно игнорирует народныя требованія и „работает“ в интересах ничтожнѣйшей кучки населенія, главным образом, в интересах тѣх людей, из которых оно-же состоит. Важно то, что оно состоит из людей без чести и в добавок из глупых людей. Правительственные зѣвѣтства, полная безсердечность правительства бьют по самым крѣпким нервам, но глупость наших правителей, — она сверкает ослѣпительным блеском.

Тысячу раз был прав И. С. Аксаков, говоря: „со всяким злом можно помириться, но нѣтъ глупости невыносимо“, а мы десятки лѣтъ живем под этим игом.

Что может быть ужаснѣе сознанія, что необъятное русское государство управляется так, что это управление нельзя назвать иначе, как управленіем кретинов, каждый шаг которых и подл, и смѣшен, и презрѣнен. Это вовсе не преувеличеніе. Покойный монархист Ал. Ив. Кошелев, в возрастѣ 77 лѣтъ, писал: „Петербург своим невѣдѣніем, что завтра будет, чего опасаться и чего ожидать, просто поразителен. Это не дом умалишенных, а дом слабоумных. А между тѣм он управляет огромным русским государством“.

Мы не думаем, что какое либо правительство может приносить общежитію пользу, но для правителей отнюдь не обязательно быть пошлыми дураками, а у нас на верхах какія-то теплицы для их прозябанія.

Благодаря невѣроятной глупости и ограниченности наших „государственных“ дѣятелей, свойственная всякому правительству свирѣпость принимает у нас характер свирѣпости сверх зѣвѣриной и сверх человѣческой. Наши правители, в особенности двор, далеко оставили за собою то наставленіе, которое дал император Павел своим дѣтям: „вы видите, дѣти, — говорил он, — что с людьми слѣдует обращаться, как с собаками“ (Шильдер. Павел I. стр. 249). Но вѣдь собак не пытаются, а у нас пошли в обиход пытки для лиц, политически разно мыслящих с правителями. Голодной собакѣ бросают кусок хлѣба, а у нас запрещают дать кусок хлѣба голодным. Кардинал Ришелье считал когда-то народ — „выюнными животными, которыя так привыкли носить тяжести, что отдых портит их болѣе, чѣм труд“, а у нас правительство приложило все силы для того, чтобы вырвать своими аграрными мѣропріятіями орудія труда из рук крестьянства для того, чтобы создать миллионы не пролетаріев, а неработающих пауперов, нищих.

На почвѣ безнадежной глупости нашего правительства выросло полное, невыгодное и для него самого раззореніе народных масс и мы можем гордиться тѣм, что обычная смертность в Россіи (33,1 на тысячу в год) выше смертности жителей Индостана в годины голода и чумы (31,4 на тысячу в год, при обычной смертности в 24,8 на тысячу).

Из мелких, но характерных, событій русской жизни можно подчеркнуть два. Пріѣзд англичан в Россію для установленія с нею болѣе тѣсных политических, промышленных и торговых связей. Их поѣздка, посѣщеніе ими наших городов напоминает путешествіе Екатерины II, для которой строились театральныя деревни и выгонялись на ряженные крестьяне и крестьянки. Вот если бы англійским гостям пришла в голову мысль проѣхаться в голодные губерніи. Но куда им! Это „давящіе верхи“ Англии „давящим верхам“ Россіи руку протягивают.

Второе „событіе“ — опала, которая постигла двух злѣйших черносотенцев: епископа Гермогена и монаха Иліодора. Оба они ссылаются в монастыри; в сущности, дѣятельность обоих признана бесполезной и им приказано не заниматься политикой. Распад в черносотенном лагерѣ — полный: все эти господа поѣдают друг друга, как пауки в коробкѣ, но, принявъ во вниманіе безграничную глупость нашего правительства, мы не можем поручиться, что сегодня опальный Гермоген через год не будет патриархом всея Руси, а Иліодор — кѣм вам угодно, ну хотя бы председателем Государственной Думы.

В общем, в Россіи по прежнему гибнет благосостояніе крестьянства, нѣтъ позорнѣйшаго рабства тяготит населеніе, голод вызахнул своими черными крылами над востоком Россіи, через год взмахнет, вѣроятно, над центром, югом или западом, а...

деспот пирует в роскошном дворцѣ!

Одинъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ПѢВЕЦ БОРЬБЫ.

Я не пѣвец напѣвов нѣжных,
Я не ласкаю слух струной,
Не разбужу страстей мятежных
В душѣ усталой и больной.

* * *

Нѣтъ, пѣснь моя — то пѣснь иная —
Я выѣсто арфы — меч поднял,
И сталью гибельно играя,
Из пѣсен — пѣснь скорби внял.

* * *

Я призывал меч напѣвом
Не богачей на пышный бал,
А тѣх, чье сердце полно гнѣвом,
Я тѣх на битву подымал.

* * *

Я стал пѣвцом меч — не лиры
И рад, что сталь крѣпка моя...
Под ней падут земли кумиры,
Как под напором бытія.

* * *

Пѣвец борьбы, пою я битву
И в ней свободы вижу луч;
Я не шепчу, как раб, молитву,
Призыв мой грозен и могуч.

* * *

Я не паду к ногам кумира,
Мнѣ день свободный — цѣлый нѣтъ,
В рѣчах огонь, в руках сѣкира
И царь природы — человѣкъ.

Иванъ Малѣевъ.

ЗА МІР.

— Стало быть это правительству выгодно, — говорил Семка, вихрастый рыжеватый парень, односельчанин Кривенских крестьян, сидѣвших на зеленой лужайкѣ за „бугром“. — Выдѣлится — не штука, да польза какая? Что оттого земли прибавится или помѣщиком станешь? Нѣтъ, братцы, міром куда сподручнѣй.

— Ну, а правительству какая выгода? — возражал Семкѣ кривой невзрачный мужичек, по имени Антон, по прозвищу Бѣда, который хотѣлъ выдѣлится. — Чай не себѣ правительство землю забирает.

— То-то не себѣ, да и некуда ему забирать, больно уж у него и без того много. Небось умные люди не то говорят. Тоже, вот, и газеты пишут. Не тѣ, что в волюсть получаютъ. Это продажныя и правительственныя. Другія газеты, которыя за крестьян да за рабочих. Начальству надо больше кулаков-міроѣдов, чтобы защищать его, вот оно и написало закон: не надо, мол, никакой общины, забирай каждый свою землю и живи отдѣльно. Забравши хочешь продать — продай, хочешь пропить — пропей. Так оно и выходит. Толкачевы выдѣлились, и пошло все прахом. Одни продали землю, а теперь хоть по міру. В город тоже не зачѣм. Много там и без нашего брата без дѣлов сидит. Нигдѣ нѣтъ добра. Задумали совсѣм. Я тоже не от сладкой жизни в деревню вернулся, а что буду дѣлать? Четыре брата нас и земли четыре пяди.

Крестьяне сидѣли молча. Умоли и Семка, опустили свою вихрастую голову. Одинокое облако медленно плыло над лѣсом, тянувшимся к рѣкѣ длинной бахромчатой лентой. Скоро оно заволокло солнце, и черное дрожащее пятно окутало угрюмыя лица мужиков.

— Мір — велик-человѣкъ, — прервал Семка минутное молчаніе, — в нем и силы много, особенно если интересы общіе. Начальству это не выгодно, не выгодно и барам. Потому, когда интересы у народа общіе, сообща он их и защищает. А когда в одиночку — никто друг другу не поможет.

— А я думаю, что выгодно тут мнѣ, — перебил Семку Бѣда, — выдѣлюсь, и сам себѣ хозяин: хочу — продам свой надѣл, хочу — нѣтъ.

— В том и бѣда вся. Отчего ты хочешь продать?

— Извѣстно отчего. Будь у меня больше земли-то, не продавал-бы, а то бьешься, бьешься, а толку мало. Лучше уже продать.

— Нѣтъ, дядька Антон, в этом еще меньше толку. Деньги проведешь, земли не будет и останешься ты нищим. Землю у тебя купит кулак, а тебя в батраки возьмет. И будем мы и дѣти наши батраками. Не то нам надо. Не выдѣлаться на хутора, а подняться дружно всемъ міром на угнетателей наших дворян да помѣщиков и сдѣлать так, чтобы вся земля нашей, крестьянской стала. Толкачевы захотѣли выдѣлится, ну и выдѣлилось пятнадцать дворов. Разорились — это вѣрно, и теперь обратно в общество просятся.

— Что и говорить, — замѣтил сѣдобородый крестьянин, все время сидѣвшій молча. — Извѣстное дѣло, без общества, как и без земли, нельзя. Ну, скажем, выдѣлимся, продадим землю, как Бѣда думает, и останемся бобылями. А она одна, кормилица, всех содержит. Не наши мы да не сѣй — весь мір околѣл-бы от голоду. Стало быть ты, пахарь, и пахать будешь ты, только не свою кормилицу-матушку, а чужую, барскую. И то правда, что начальство свои выгоды соблюдает. Надо и нам свои соблюдать. Теперь только дураки могут думать, что начальство за нас, да поп каждый раз в церкви будет драть

ЗАГРАНИЧНЫЙ ОБЗОР.

На послѣдних выборах в рейхстаг за социал-демократических депутатов было подано 4.200.000 голосов и эти избиратели послали в свой парламент 110 социал-демократических депутатов (больше четверти всего состава рейхстага). Правда, в числѣ этих 4-х с лишком миллионов избирателей не мало все таки и лиц, не раздѣлявших воззрѣній этой партіи и голосовавших за ея кандидатов только для того, чтобы сломить парламентское большинство, состоявшее из католиков и землевладѣльцев. Но нельзя все таки и на минуту усумниться, что громадное большинство голосовавших за социал-демократов избирателей считают себя именно социал-демократами.

Тѣм не менѣе, буквально всѣ, кроме очень уж легкомысленных людей, и прежде всего социал-демократы твердо знают, что никаких социалистических предложений в рейхстаг внесено не будет, что он не явится даже трибуной, с высоты которой будет вестись агитация за социалистическій строй общества. По прежнему в нѣмецком парламентѣ будут гремѣть рѣчи истинно-лѣвых премудрых пискарей о необходимости буржуазных реформ и реформочек, главное назначеніе которых поддержаніе современнаго, враждебнаго социализму общественнаго строя.

Это не удивительно. «Дѣло в том, что социал-демократы, если и говорят о социальных реформах в мотивах (все болѣе и болѣе забываемых) своих программ, тѣм не менѣе они никогда не забывают точно указать, что эти реформы — дѣло отдаленнаго будущаго, так как капитал недостаточно еще созрѣлъ для того, чтобы умереть, что покажет дѣло идет только о том, чтобы добиться скромнаго рабочаго законодательства, всеобщей подачи голосов, реформ в воинской службѣ и извѣстной демократизаціи учреждений — всего того, что в других мѣстах, кроме Германіи, как раз и является тѣми реформами, которых

добиваются радикалы-буржуа», писал П. А. Кропоткин.

Таким образом избирательная побѣда социал-демократіи далеко еще не является побѣдой социалистов.

Нѣтъ основаній увлекаться также и количеством голосов, поданных за социал-демократических вождей; необходимо выяснитъ, чѣм является в настоящее время социал-демократія. «Мы должны, говорит П. Кропоткин, обсуждать специфическія идеи социал-демократіи, то толкованіе, которое она хотѣла дать социализму, ея идеологию; надо обсудить, вѣрны или ложны идеи, которыя она — партія, с'умѣвшая получить миллионы воли, отданных рабочими ей на службу, — старается вбить в головы своим приверженцам. Не по распространенности католицизма, протестантизма, православія и еще менѣе по распространенію христіанства вообще, мы судим о каждой из этих религій. Мы судим о них по принципам, которые распространяет каждая из них, по тому вліянію, которое она оказывает на своих приверженцев. Таким же образом мы должны относиться и к социал-демократіи».

Наше твердое, основанное на безчисленном числѣ данных убѣжденіе заключается в том, что нѣмецкіе рабочіе, поддерживая социал-демократію, отнюдь не идут по пути самоосвобожденія, отнюдь не приближаются к социализму. Нѣмецкіе рабочіе не увидят ничего похожаго на социализм и тогда, когда большинство депутатов рейхстага будет состоять из социал-демократов. Все дѣло в том, что социал-демократизм — не социализм, а ученіе идеологов крупнаго капитала в его невыгоднѣйшем для капиталистов и интеллигентов, но, конечно, невыгодном для рабочих функционированіи.

В Тавризѣ, Персін, продолжают свирѣпствовать наши дикари. Армянскій журнал „Дрошакъ“ сообщает о звѣрской травлѣ армян, трое из которых, ни за что, ни про что, уже повѣшены русскими.

Стачка бельгійских углекопов в Боринажѣ протекает не спокойно. Было столкновеніе с жандармами, которых забастовщики встрѣтили камнями; улицы были преграждены проволокой для того, чтобы мѣшать кавалеріи. Затѣм в Жеммапѣ, Гюэсмѣ, Ля Буверіи, Патюражѣ повозки с хлѣбом, углем, маслом и яйцами были остановлены и разграблены забастовщиками. Очевидно послѣдним стало не в мочь голодать.

В Испаніи правительство (либеральное, к слову сказать) закрыло федераціи реформистских рабочих союзов и федерацію союзов революціонных. Федерациі распущены оффиціально, но продолжается та работа, которую онѣ вели.

Во Франціи все послѣднее время революціонныя синдикаты энергично ведут свою агитацию, упорно бастуют парижскіе шофферы, ожидается большая манифестація по поводу перевоза в Париж тѣла злодѣйски убитаго начальством солдата Эрнульта, социал-демократы нападают на синдикалистскую дѣятельность и, как с крашенною торбой, носятся со своим всеспасающим избирательным бюллетенем. Вообще, все по старому.

В Англіи на конгрессѣ рабочей партіи обсуждался вопрос об отвѣтѣ всеобщей стачкой на объявленіе войны. 1323 голосами против 155 вопрос был рѣшен утвердительно.

Когда обзор был уже набран, получилась радостная вѣсть о забастовкѣ свыше миллиона углекопов Англіи, требующих установленія минимальной заработной платы.

Углекопы Бельгіи, Франціи и Германіи выразили своим англійским товарищам чувство братской солидарности. Стачка уже сильно отразилась на всей странѣ: сокращается желѣзнодорожное и пароходное движеніе, закрываются фабрики и заводы и сотни тысяч рабочих остаются без дѣла. Трудно даже с приблизительной долей вѣроятности предугадать всѣ послѣдствія этой грандіозной демонстраціи сил рабочей солидарности.

Кинь.

свою продажную глотку за дворянскаго царя-батьшку. Семка правду бант, давно пора их в вилы принять.

— В вилы принять их — не штука, — проговорил другой старик, — да, вот, солдаты... Вся бѣда в них.

— Что солдаты, — воодушевился Семка, гла за котораго сверкнули из под нависших рыжеватых вихров. — Мы сами виноваты, что солдаты зацѣпляют не нас, а начальство. Почему? А потому, что мы дураки. Мало нас бьют да по тюрьмам сажают. Скажи слово, прочитай книжку или газету, гдѣ правда написана — и все.

— Это-то правда, но что будешь дѣлать? — замѣтил Бѣда.

— Извѣстно что. Надо сдѣлать так, чтобы солдаты не усмиряли нас.

— Хорошо сказать, да как это сдѣлать?

— Сдѣлать тоже можно. У тебя пошел сын в солдаты, вот ты и потребуй от него клятвы в том, что он не будет стрѣлять в крестьян и рабочих, когда начальство пошлет его на усмиреніе. А это должен сдѣлать всякій отец, мать, брат, сестра, жена. Когда солдат даст клятву не убивать возставших, тогда наше дѣло вѣрное.

— Что-ж, если мой сын поклянется мнѣ, развѣ от этого будет польза. Надо чтобы всѣ поклялись, а гдѣ-ж это можно?

— Скажем, этого сразу нельзя, но твой сын в казармѣ будет не один, стало быть расскажет товарищам, тѣ узнают, почему он клялся, подумают, поговорят промеж собой, гляди и тоже поклянутся.

Солнце сѣло за потемнѣвшей полосой лѣса и тѣни длинными черными лапами тянулись по землѣ. Полевка свистнула, помолчала и снова свистнула, и в отвѣтъ ей отозвалась другая. Скоро таинственный покров ночи скрыл очертанія и фор-

мы, слившись в сплошной непропцаемый мрак, наполнившись своей невидимой жизнью.

— Теперь, ребята, по домам. Никаких выдѣлов нам не надо. Так и начальству скажем.

В большом селѣ Кривенкѣ желавших выдѣлиться оказалось всего девять дворов. Изю дня в день ждали начальства и землемѣра. Настроеніе было приподнятое, нервное. Общинники были враждебно настроены к односельчанам, изъяснившим желаніе выдѣлиться. Слышались угрозы по адресу послѣдних. Над спокойным селом носился ропот, оживленные споры и разные толки, по одно слово особенно ярко выступало и слышалось чаще других:

— Не позволим.

Настал, наконец, день, когда явилось начальство. Народ столпился у волостного правленія и всѣ в один голос заявили, что не допустят дѣлать землю. Начальство ничего не отвѣтило крестьянам и немедленно послало в стан за стражниками, а само до вечера сидѣло в волости, беззаботно пило и ѣло. Крестьяне разошлись по домам.

На слѣдующій день, под охраной стражников, землемѣр приступил к разперсткѣ. За „бугромъ“ возлѣ лѣса наѣзали хуторянам землю. Крестьяне не могли мириться с тѣм, что их кормилецку кроют на куски, отнимают лучшія угоды и они, вооружившись кто вилами, кто топором, косою или просто колом, пробрались в лѣс недалеко от работ и, выждав удобную минуту, напали на землеустроителей. Стражники схватили ружья и стали было стрѣлять, но толпа озлилась еще прежняго и через пять-десять минут все было кончено. На мѣстѣ предполагавшагося хутора валялись поломанные значки, землемѣрные инструменты, ружья и три окровавленных трупа стражников.

Как и надо было ждать, начальство не замедлило явиться с новыми силами и с твердой рѣши-

мостью усмирить бунтовщиков. Все село вызвали туда, к лѣсу, на мѣсто побоища, гдѣ лежали убитые.

Уже вечерѣло и солнце спустилось за лѣс, заливая его вершины красной позолотой. Длинные тѣни узорной полосой тянулись по травѣ, пѣмбная очертанія, теряя яркость. Недовольный, но боязливый ропот носился в воздухѣ. Напряженно и нервно билось сердца крестьян. А трупы стражников, как зловѣщіе призраки, лежали на травѣ.

— На колѣни! — загремѣлъ повелительный голос несправника.

Толпа заколыхалась. Послышались отдѣльные голоса протеста. Сплошная ровная стѣна голов дрогнула, образовавъ нѣчто вроде лѣснаго поруба, гдѣ между низко подрубленными пнями, стояли стройныя прямые деревья.

— Всѣ становись, крамольники, перестрѣляю! Стражники, на прицѣл их!

Непокорные, видя направленные на них дула ружей, опустились на колѣни и только несправник великаном возвышался над ними; его хриплый голос многократным эхом отдавался в лѣсу, гдѣ мелькали какія-то двѣ-три темныя фигуры.

— Бунтовать, негодяи...

Сухой треск, раскатившійся в потемнѣвшем лѣсу, оборвал бурную ругань несправника и он, взмахнув руками, навзнич упал на землю. Крестьяне и стражники бросились в разсыпную, а из лѣса, один за другим, неслись ружейные выстрѣлы. Вслѣд за ними оттуда выбѣжал Семка и еще двое крестьян, бывших солдат, прошлой осенью возвратившихся со службы. У них были солдатскія берданки и они продолжали стрѣлять по убѣгающим стражникам, пока короткія лѣтнія сумерки не скрыли картину дѣйствія в мягких тонах своей дымчатою вуали.

Кочевой.

НЕДОСТАТКИ СИНДИКАЛИЗМА.

Можно с двух точек зрѣнія разсматривать и изучать явленія: с точки зрѣнія динамической и с точки зрѣнія статической. Во всѣх моих предыдущих статьях или брошюрах*) я разсматривал синдикализм в его теоретической послѣдовательности. Брал я французскій синдикализм и совершенно не считался с его временными недостатками и порою с довольно рѣзкими отступленіями от тѣх основных принципов, которые, по моему, должны являться путеводной звѣздой всей жизни и труда рабочего класса. Я брал в нем лишь то, что соответствует, с теоретической послѣдовательностью, вполне разному революціонному синдикализму. Но можно разсматривать тот же самый синдикализм с иной точки зрѣнія, можно его взять в его статическом состояніи, т. е. в видѣ конкретно проявляющагося, законченнаго явленія, разсмотрѣть его в том видѣ, в каком представляется он нам в данную минуту.

То, что до сих пор писано мною о синдикализмѣ, относится к синдикализму, разсматриваемому в послѣдовательном развитіи тенденціи, воодушевляющей современныя революціонныя синдикализмы, но не слѣдует забывать, что тенденція, характеризующая часть какого нибудь движенія, еще ничего не предвѣщает насчет будущаго этого движенія.

Всякая теорія отличается от практики; и это не только потому, что тѣ, которые переносят теорію на практическую почву и стараются претворить ее в жизнь, часто впадают в непослѣдовательность, а еще и, главным образом, потому, что всякая новая теорія, даже построенная на опытах жизни, встрѣчает затрудненія для своего осуществленія в матеріальных условіях той же самой жизни. Вслѣдствіе этого, построение послѣдовательной теоріи практики несравненно легче, чѣм ея практическое примѣненіе. Теорія, это область мысли, в которой она властна устранить тѣ или другія затрудненія. В теоріи практики всякая непослѣдовательность есть непослѣдовательность мысли, которая может быть устранена идейной критикой, т. е. той же мыслью. Другое дѣло практика. Тут предписанія мысли встрѣчают другого рода затрудненія, затрудненія практическія, матеріальныя, устраненіе которых гораздо труднѣе. Одна сила идейной критики здѣсь недостаточна; чтобы устранить эти затрудненія нужна практическая, матеріальная же сила; и новаторская мысль с самаго начала может не сопровождаться достаточной силой, чтобы сломить всѣ матеріальныя затрудненія, и тѣм открыть себѣ путь к теоретически-послѣдовательному приложенію. Чаше практическія, матеріальныя затрудненія бывають сильнѣе и вслѣдствіе этого происходит то, что мы могли бы назвать **искривленіем линіи послѣдовательности**. Искривленная линія послѣдовательности не парадокс. Искривленной послѣдовательностью можно назвать такую послѣдовательность, которая побѣждается и извращается в своем практическом проявленіи не внутрѣнными противорѣчіями, а внѣшними могучими матеріальными силами. В такой послѣдовательности сама идея послѣдовательности не умирает, и послѣ каждаго изгиба и с точки изгиба воспроизводит линію послѣдовательности. Искривленная линія послѣдовательности, выражаясь фигурально, это та упругая линія творчества, которую стремится изогнуть внѣшняя физическая сила, и которая гнется по временам, но вновь выпрямляется сейчас же, как только давленіе внѣшней силы слабѣет. Чѣм больше эта упругость, тѣм изгибы слабѣе.

Практическое примѣненіе синдикализма не достигло, по нашему мнѣнію, нужной послѣдовательности. Линія послѣдовательности практичес-

каго приложенія синдикализма часто изгибается, но это несколько не нарушает саму теорію синдикализма, разсматриваемаго в его логической послѣдовательности, как не нарушается правильность и точность какой нибудь алгебраической или геометрической теоремы тѣм, что плохой ученикъ неправильно ее рѣшает. Между синдикализмом, разсматриваемым в его теоретической послѣдовательности и синдикализмом в его конкретной формѣ, т. е. тѣм синдикализмом, который существует в данную минуту, имѣются нѣкоторыя несоотвѣстности. Синдикализм, в том видѣ, в каком он существует теперь, является теоретически послѣдовательным революціонным синдикализмом лишь в своем развитіи. Недостатки конкретнаго вида синдикализма, выясняемые ниже, служат достаточной иллюстраціей этого положенія.

I.

ОТСУТСТВІЕ ОБЩЕЙ СИСТЕМЫ И ПРОТИВОРѢЧИВОСТЬ НАПРАВЛЕНІЯ.

Синдикалистскія организаціи не имѣют определенной доктрины, в них встрѣчаются направленія, часто противорѣчивыя. Коментируя а-парламентаризм, мы сказали, что стремиться к гармоніи разнообразія высшая задача, но чтобы не впасть в вульгарное противорѣчіе, не надо забывать, что гармонія может быть установлена лишь между разнообразностями одного и того же порядка. Гармонія-же, осуществляемая а-парламентаризмом, в конкретных видах синдикализма, не является еще в достаточной мѣрѣ гармоніей разнообразій одного и того же порядка. Разнообразія, встрѣчающіяся, напримѣр, во французском синдикализмѣ являются разнообразіями разнаго, часто противорѣчиваго порядка, и этим и объясняется то вульгарное противорѣчіе, в которое нерѣдко впадает революціонный синдикализм. Разнообразія разнаго порядка имѣют чрезмѣрную тенденцію к расколу, к раз'единенію, к взаимному исключенію и уничтоженію. Единство, осуществляемое при этих условіях, является не единством, а компромиссом, или во всяком случаѣ временным единством. При таких условіях, всякій раскол, всякое движеніе, могущее кончиться пораженіем синдикалистскаго движенія, представляет собою громадную опасность не только для цѣльности организаціи, но и для самаго характера направленія. Два слѣдующіе примѣра дадут нам возможность пояснить эту мысль.

а). Интернаціоналъ, по характеру гармоніи, осуществленной им, напоминает современныя синдикализмы, хотя нужно замѣтить, что Интернаціоналъ был куда богаче по содержанію. Подобно гармоніи, осуществляемой современными синдикализмом, гармонія, осуществленная Интернаціоналом, была гармоніей разнообразій разнаго порядка. Поэтому Интернаціоналъ мог существовать, лишь до тѣх пор, пока между разнообразіями разнаго порядка не произошла борьба из-за гегемоніи: с того момента, как Маркс и его друзья сдѣлали попытку сверху вниз навязать Интернаціоналу определенную теоретическую и практическую доктрину, его существованіе стало невозможным и он распался на свои составныя части. Мы здѣсь не станем говорить о судьбах лѣваго крыла, укажем только на то, что правое крыло, впоследствии, восстановило Интернаціоналъ в специальной формѣ, в формѣ сначала международных социал-демократических с'ѣздов, а потом в формѣ международнаго социалистическаго бюро. Гармонія, осуществляемая международными социал-демократическими конгрессами и международным социалистическим бюро, является также гармоніей разнообразій, но разнообразій одного и того же порядка. Всякому извѣстно, какое разнообразіе отгѣнков и направленій встрѣчается в социал-демократическом мірѣ. Направленія эти и отгѣнки имѣют свои корни не только в теоретических, но и практических разногласіях. Между Бернштейном и Каутским существует цѣлая градація. Каутскій отличается от Берн-

штейна, Турати от Каутскаго, Жорес от Бернштейна, Вандервельде — от всѣх их, имѣетъ извѣстных. Но это разнообразіе не мѣшает международно-соціал-демократіи представлять собою нѣчто единое и это потому, что вышеуказанныя разнообразія являются разнообразіями одного и того же порядка, т. е. несмотря на разнообразіе теченій и отгѣнков международной социал-демократіи, она всегдѣ имѣетъ общій теоретическій и практическій фон, на котором вырисовывается все ея движеніе.

Лѣвое крыло Интернаціонала долго старалось возстановить Интернаціоналъ в его прежнем видѣ, но попытка эта не удалась. Когда эти попытки прекратились, стал зарождаться современный синдикализм, подготовленный именно этими попытками. И через нѣкоторое время идеи лѣваго крыла Интернаціонала об'единили снова рабочий міръ. Но пока еще организаціи, возникшія на почвѣ этих идей, находятся в періодѣ роста; идеи лѣваго крыла не выжили пока еще пережитки старых вліяній, внесенных в революціонный синдикализм людьми политико-якобинскаго вошпитанія. Разнообразія, встрѣчающіяся в синдикализмѣ, сохранили еще характер противорѣчивый, т. е. они не достигли пока еще того единства, которое замѣчается в международной социал-демократіи. До тѣх пор, пока синдикализм не достигнет ступени, достигнутой международной социал-демократіей, т. е. до тѣх пор, пока разнообразія, встрѣчающіяся в нем, не станут разнообразіями одного и того же порядка, гармонія, осуществляемая им, будет постоянно подвергаться сильному риску разложенія и сам синдикализм будет находиться в опасности. У синдикализма, взятаго в цѣлом, нѣтъ того общаго фона, который имѣется у социал-демократизма или у анархизма. Для одной части синдикализма этим общим фоном становится анархизм, но это не является достаточной гарантіей для синдикализма в цѣлом, в котором существуют еще два другія направленія, отличныя от перваго и различныя также между собою.

Опасность, слѣдовательно, заключается в том, что или синдикализм может распасться, или существующій в нем организаціонный компромисс пополнится идейным компромиссом между живущими в нем противорѣчивыми тенденціями.

б). Второй примѣръ дает поворот, произошедшій в рабочем движеніи послѣ разгрома Парижской Коммуны. В книжкѣ „Как и из чего развился революціонный синдикализм“ было выяснено каким образом, благодаря из'ятію из рабочей среды лучших и наиболѣе смѣлых дѣятелей, благодаря разрушенію лучших и наиболѣе революціонных организаціи, рабочее движеніе пошло на нѣкоторое время в руки зиротворцев и „желтых“ синдикалистов. В борьбѣ всегда погибають наиболѣе смѣлые дѣятели и наиболѣе смѣлыя организаціи, — это можно познать в закон революціоннаго движенія. И гибель их плачевно отзывается на характерѣ дальнѣйшаго движенія. Вслѣдствіе этого нельзя не считать недостатком современнаго синдикализма тот фактъ, что в нем, больше чѣм это желательно, характер направленія связан с существованіем данных организаціи и данных дѣятелей, а не с глубоким сознаніем принципиальной необходимости того общаго фона, на котором должно вырисовываться всякое движеніе, чтобы быть единым и исторически живучим.

Нам привелось слышать от одного виднаго реформиста, что правительству достаточно было бы „из'ять из обращенія“ сотню-другую энергичных дѣятелей, разрушить двѣ-три революціонныя федераціи, и революціонному синдикализму был бы нанесен смертельный удар. Это, конечно, не вѣрно: в революціонном синдикализмѣ есть нѣчто жизненное — группировка на почвѣ интересов и непосредственная экономическая борьба, что постоянно будет пробуждать его к новой жизни. Но нельзя не признать, что в этом утвержденіи есть доля правды. Представим себѣ, что возможно какое нибудь серьезное движеніе по инициативѣ революціонных синдикатов, движеніе, ко-

*) См. «Как и из чего развился революціонный синдикализм»; «О рабочих союзах». (Статьи «Классъ и партія», «Организаціонный вопрос и анархизм». „Буревѣстник“ №15 и др.

GOLOS TRUDA

PUBLISHED MONTHLY
BY THERUSSIAN LABOR GROUP
OF NEW YORK.

P. O. Box 41, Station D. New York, N. Y.

Наша газета не имѣет „Юнион-Лабеля“, так как она издается не ради прибыли и потому, что большая часть работы выполняется самими членами группы безвозмездно.

Редакция не принимает на себя ответственности за помещаемыя в „Голосъ Труда“ объявленія.

Настоящій № „Г. Т.“ высылается и тѣм подписчикам, срок подписки которых уже истек. В дальѣйшем газета будет высылаться только тѣм, кто возобновил подписку.

торое, не будучи социальной революціей, однако же достаточно сильное, чтобы вызвать все консервативное и реакціонное рвеніе всей правящей буржуазіи. Что тогда произойдет? Правительство, дѣйствительно „изымает из обращенія“ наиболѣе преданных, наиболѣе энергичных дѣятелей синдикализма и разрушит тѣ федераціи, которыя оно считает очагами революціи. Легко понять, что если этот авангард синдикализма, который, главным образом, состоит из анархистов, будет уничтожен, дорога к торжеству миротворцев и умѣренных тѣм самым будет расчищена. Как страшное пораженіе Парижской Коммуны расчистило почву для тѣх пресмыкающихся, которые, довольные в душѣ уничтоженіем революціонеров, не дав засохнуть крови погибших коммунаров на парижских мостовых, запыли о мирѣ и покоѣ, гармоніи труда с капиталом.*)

Такая опасность грозит всякой организаціи, всякой партіи. Но она грозит в меньшей степени тѣм организаціям и тѣм партіям, в которых гармонія разнообразій одного и того же порядка не только осуществилась, но и успѣла укрѣпиться. Какое бы пораженіе ни постигло социал-демократов, какое бы пораженіе ни постигло анархистов, существованіе социал-демократіи и анархизма, как направленій, не подвергнется опасности. Если бурю переживут каких нибудь два социал-демократа, они всегда сумѣют найти друг друга и всегда останутся социал-демократами. Тоже самое можно сказать и относительно анархистов: какое бы пораженіе ни постигло их, оставшіеся в живых всегда найдут друг друга и, самое главное, они останутся анархистами. Они уже нѣсколько раз, в разных странах, пережили такіа пораженія: в Испаніи в 1873 году и в 1880-х годах, в Италіи в 1890-х годах два раза, во Франціи в 1890-х годах и т. д. Эти пораженія всегда наносили большой ущерб числу анархистов и анархических организацій, но само направленіе не только не погибло в этой борьбѣ и пораженіях, но оно окрѣпло, благодаря революціонному опыту и создавшейся революціонной традиціи. Послѣ каждаго пораженія, отправной точкой вновь развивающагося движенія является тот пункт, на котором его прерывает торжествующая реакція. Иначе говоря, реакція не заставляла анархичес

кое движеніе сдѣлать шаг назад в идейном отношеніи. Между движеніем, существовавшим до пораженія и возникшим послѣ пораженія существует полное идейное тождество, разница может быть только численная, которая может быть со временем пополнена.

Дают ли такую же гарантію полной идейной преемственности и прочности конкретные виды синдикализма? Или пораженіе грозит не только числу синдикалистов и синдикалистских организацій, но и самому направленію, именуемому синдикализмом? Нельзя сомнѣваться в жизненности профессиональных союзов; они переживут всякую борьбу и возродятся послѣ всякаго пораженія. Вопрос только в том, выйдет ли синдикализм цѣлым из борьбы или пораженіе вызовет распад его на его составныя части, т. е. на три направленія, существующія в нем в настоящее время, и не придется ли долгим и упорным трудом возстановливать то, что было до пораженія, не только в численном, но и в идейном отношеніи? Иначе говоря, не явится ли пораженіе поводом к шагу назад, как это имѣло мѣсто послѣ пораженія Коммуны? Это далеко не кажущееся опасеніе: профессиональное движеніе, возродившееся послѣ пораженія Коммуны, в котором на протяженіи цѣлых десяти лѣтъ господствовали миротворство и „желтизм“, представляло безусловно шаг назад по отношенію тѣх революціонных организацій, которыя принимали участіе в гигантской борьбѣ Коммуны. Шагом вперед это движеніе стало лишь послѣ 1880-х годов.

Не грозит ли такая же опасность и вслѣдствіе тѣх же причин и современному синдикализму, в случаѣ его пораженія. В самом дѣлѣ, что общаго в направленіи между союзом землеконов и огромным большинством синдикатов типографчиков? Союз землеконов, это союз революціонный в полном смыслѣ слова; огромное большинство синдикатов типографчиков осталось вѣрным миротворству начала 1870-х годов.

Скажем, бурю пережили Кейфер и Пужэ. Что общаго между ними? Один — миротворец, апостол гармоніи труда с капиталом, не допускающій возможности уничтоженія частной собственности, другой — его полная противоположность, анархист. Могут ли они сѣсть для общей работы, так же естественно и добровольно, как люди, которых связывает не только общность социальной зависимости, но и общность глубоко сознанных революціонных цѣлей? Нѣтъ, каждый из них уйдет в свою группу, каждый из них начнет работу, считаемую им наиболѣе цѣлесообразною.

Тоже самое можно сказать и о синдикатах. Допустим, что многіе из них пережили бурю, кончившуюся пораженіем. Будут ли они синдикатами в том смыслѣ, как этого хочет революціонный синдикализм, или вслѣдствіе распада центров, их объединяющих, и они распадутся на составныя части, т. е. на три различных направленія, существующія в революціонном синдикализмѣ? В этом отношеніи нѣтъ никакой гарантіи, и такой гарантіи не может быть, вслѣдствіе отсутствія того общаго принципиально обязательнаго идейнаго фона, на котором синдикаты должны сѣсть и начать прерванное движеніе с того именно момента, на котором движеніе было прервано грубой рукой реакціи. Есть, конечно, общность социальной зависимости, но эта зависимость ничего не предпрѣшает на счет направленія рабочаго движенія.

Итак, современный синдикализм представляет собою группировку людей на почвѣ общности их жизненных интересов — в этом его главная сила и заслуга. Но вмѣстѣ с этим, он, в цѣлом, не реализует полную общность стремленій революціонных цѣлей, — в этом его недостаток. В этом и выражается отсутствіе общаго принципиально обязательнаго фона, на котором должно выростать движеніе. Поэтому, гармонія, осуществляемая им, есть гармонія разнообразій, если не противорѣчиваго, то во всяком случаѣ разнаго порядка. Вслѣдствіе этого же, в случаѣ пораженія

и возрожденія послѣ пораженія, он не дает никакой гарантіи полной принципиальной преемственности движенія.

Н. Оргеіани.

Париж. 3-го февраля.

ОНА ИДЕТ...

Вы не ждете ея, палачи, но она идет неустрашимая, как стихія; твердая, как желѣзо; могучая, как свѣтъ.

Она разсѣет мрак, огнем и мечем очистит землю от бѣд и страданій народных.

Слышите стоны связанных, закованных, униженных и истязуемых в тюрьмах и казематах; умирающих в сѣбгах и тундрах Сибири? Эти стоны не что иное, как шум ея приближающагося шествія.

Это она идет в мучительных корчах страшнаго голода, охватившаго многомилліонную страждущую Россію. Развѣ вы не видите рѣки материнских слез, заливающих всю страну, катящих ея бурными волнами горя и ненависти к жестокой и развратной тираніи? На гребнях этих бушующих волн она, безстрашная, непобѣдимая.

Она идет мстить за дѣтей своих, — за тѣх смѣлых борцов, которые тысячами гибли без стола и молюбы и тучно учили родныя поля и нивы, улицы больших городов и темныя полицейскіе застѣжки своей драгоценной кровью, — мстить всѣм продажным, трусливым и лицемерным, всѣм разсадникам зла, гасителям свѣта, развратителям юности, не признающим ничего святого.

Она идет мстить поработителям духовным, отвергшим заповѣди великаго учителя из Назарета и замѣнившим их позорным челоуѣкоуничищеніем. Продавшим божественныя заветы братства, любви и свободы всѣх народов за деньги и власть.

Она всѣх знает, дѣянія каждаго помнит и никому не простит.

Она и вас знает и больше, чѣм всѣх, праздные тунеядцы, надменные буржуа. Она не пройдет мимо вас, как проходила прежде, не остановится очарованная прекрасными виллами, дворцами и палатами; ее не заколдует роскошь ваших волшебных замков, не тронет красота ваших развратных жен и любовниц. К вам, особенно к вам, виновникам всѣх бѣдствій, она будет жестока и безпощадна. Как вы вѣками не считались с ея обнищенными дѣтьми, угнетали их, плакали над ними, заставляли гнуть спину ради вашей сытой животной жизни, безумных нарядов и блестящих бездѣлушек, баснословная цѣна которых создавалась от того, что добывая их, гибли сотни подвластных вашему капиталу рабочих, — так и она не посчитается с вами.

Она уничтожит вас, а вмѣстѣ с вами и то, что вам необходимо, без чего вы не можете жить и что позорным пятном ложится на все челоуѣчество, это — кровопролитныя, братоубійственныя войны, — она их уничтожит.

Она уничтожит стѣсняющія границы, куплю и продажу, уничтожит власть челоуѣка над челоуѣком.

Она идет. Ничто не может остановить ея. В своих могучих руках она несет: в одной огонь, которым она очистит загрязненную вами землю, в другой — нальмовую вѣтьв — всемірнаго братства трудового народа.

Она идет... И имя ея — социальная революція!

Ма — евѣ.

Правда, что богатство — это скопленіе труда: но обыкновенно один челоуѣкъ производит труд, а другой — скопленіе. И это мудрыми людьми называется „раздѣленіем труда“!

С англійскаго.

*) Для подтвержденія этого положенія вспомним знаменитое чикагское движеніе, которое кончилось, как только „чикагскіе мученики“ были „изъяты из обращенія“; или всеобщую стачку в Женевѣ (Швейцарія) 1902 г., которая прекратилась сейчас-же послѣ ареста Бертона и его друзей. К сожалѣнію примѣров подтверждающих, что движеніе прекращается за арестом руководителей очень много, что доказывает, что рабочая самостоятельность не достигла нужной степени развитія.

СЕЛЬСКАЯ АССОЦІАЦІЯ.

А. Н. Энгельгард, — выдающийся сельский хозяин и агроном, — утверждал, что рациональность в агрономии „состоит в том, чтобы, истратив меньшее количество силы (пудо-футов работы), извлечь наибольшее количество силы из сол нечаго луча на общую пользу. А это возможно только тогда, когда земля находится в общем пользовании и обрабатывается сообща. Когда люди, обрабатывающие землю собственным трудом, додумаются, что им выгодно вести хозяйство сообща, то и земля и все хозяйство неминуемо перейдут в их руки”.

А. Н. Энгельгард резко подчеркивает таким образом громадную выгоду артельного трудового хозяйства. Но, понятно, что эксплуатируемое и поработанное крестьянство может только мечтать о последнем. После же социальной революции оно сможет организовать его.

Главным препятствием к такой организации является (после черного передела) неравенство инвентаря отдельных хозяйств и в момент революции необходимо озаботиться снабжением бедных хозяйств бывшим помещичьим инвентарем и орудиями труда из городских складов. При этом условия можно рассчитывать на переход крестьян к артельному хозяйству. Хозяйства, владеющие равным инвентарем, и в настоящее время зачастую устраивают небольшие артели — „супржи”, „складки”.

Сельско-хозяйственные машины, применение которых на узких полосах или неудобно или невозможно, сыграют свою роль в деле создания артелей, как играют ее иной раз и в настоящее время. В Таврической губ., например, жатвенные машины „приобретаются нередко целыми обществами, которые и пользуются ими сообща. Вызывается это: 1) стоимостью таких орудий, непосильной отдельному мелкому хозяйству и 2) непроизводительностью применения к отдельному мелкому хозяйству. Таким образом, — продолжает Н. Каблуков, — распространение таких машин, как жатвенные, молотилки и т. п. создает технические основания для соединения мелких хозяйств в одно целое”.

Сельско-хозяйственные кооперативы часто встречаются среди крестьян Западной Европы. Выгодность таких объединений более чем очевидна. Конечно, такие кооперативы не будут иметь своим следствием переход земли в общее достояние, но их наличие указывает, что, раз только крестьянство освободится от эксплуататоров и угнетателей, то сельские хозяйства, подчиняясь присущей им тенденции к объединению, организуются на артельных началах.

Что касается нашего крестьянства, то оно в значительной степени проникнуто коммунистическими воззрениями. Правда, этот коммунизм нередко является переживанием старого родового и больше-семейного коммунизма, но нередко он создается и условиями новейшей жизни.

Укажем на некоторые от—коммунистические формы крестьянского хозяйства.

Прежде всего — это, так называемая, помощь, когда все жители какой-либо деревни или часть их работают в хозяйстве какого-нибудь крестьянина или крестьянки, быстро выполняя непосильную для них работу. Такие работы — очень разнообразны: все работы по сельскому хозяйству, постройки, рытье колодцев, рубка дров, прорытие канав и пр. и пр. Вознаграждение за труд в этих случаях не берется, но помощникам часто выставляется угощение и они также охотно идут к бедной вдове, угощающей их ржаными лепешками, как и к заболевшему зажиточному мужику, хозяйка которого приготовила для них пироги с начинкой. Эти угощения скорее всего являются переживанием старинных общих обедов, „общих столов”.

Супржа (складка), т. е. соединение рабочего скота и труда для какой-нибудь работы (пахоты, бороньбы, возки удобрений) — опять-таки неред-

ко встречаемое, старое, но вместе с тем и вызываемое условиями современной жизни, явление.

Надо указать также на так называемые, „общественные зашапки”, урожай с которых продается на какие-либо определенные нужды. Мы говорим здесь о добровольно организуемых общественных зашапках, размеры которых иногда бывают очень большими.

Очень часто крестьяне какой-либо деревни составляют сенокосную артель. Трава косится и убирается всем „миром” и по хозяйствам делится уже готовый продукт — сено. Еще чаще встречаются сенокосные артели, состоящие из нескольких крестьян (от 2 до нескольких десятков). Нередко жители целой деревни или часть их сообща строят изгороди, овины, общие гумна, риги, сушильни, загоня для скота, иногда даже мельницы. Легко организуется крестьянами общая работа по рытью канав, прудов, осушке болот. Артельные покупки лошадей, племенных быков, семян, плугов, молотилок, жаток, сенокос; по покупки, производимые несколькими хозяевами или даже всем обществом, вовсе не являются у нас чем то необычным.

Отнюдь нередким исключением являются в России земледельческие артели, состоящие из нескольких хозяйств. Иногда такая артель ведет сообща только сельские работы и делит между своими членами зерно и другие сельские продукты. Много реже она считает общим имуществом не только продукты, но и деньги, даже одежду.

Условия современной жизни ставят почти непреодолимые препятствия для организации целых деревень — артелей. Тем не менее такие артели возникали и в последнее время. Интересны, между прочим, сообщения И. В. Майоровым сведения об одной из таких артелей-деревень. (Вятская губерния). Крестьяне „пашут и боронят вместе — один за другим, а на кого не хватает лошади, те идут в лес заготавливать дрова или исполнять такую работу, где не требуется лошади. Сенокос тоже вместе, а на кого не хватает, те разбивают и готовят смена, а остальные пашут и заделывают бороной. Навоз возят сначала все с одного двора, а потом с другого и так по очереди до тех пор, пока не вывезут со всех дворов. На сенокос и жатву выступают всей деревней; дружно все это делается. Старших, низших нет, а между делом соберутся мужики и все вместе обсуждают свои дела и распределяют кому что делать на следующий день. За три года такой работы мужики стали жить лучше. У этих крестьян имеются, сообща всей деревней купленные, молотильная машина и вязалка. Кроме ржи и овса, они сжали клевер, лен и ячмень и, кроме навоза, удобряли поля фосфоритной мукой. Урожай дали (1903 год) по работникам — поровну на мужчину и женщину и 1/2 пая на подростка. До дельежа часть хлеба откладывалась на смена и продажу.

Не редки такие, или близкие к описанной, большие артели у сектантов, но мы укажем здесь на попытку устроить артель крестьянами аграрниками в 1905 г.

Крестьяне черниговского уезда предложили помещице Концевич уехать из имения. „По приговору всего села, ея земли и имения переходят в общественное завладение и пользование крестьян-земледельцев”... „были выработаны (на сходе) правила завладения панским имуществом, выбрано несколько крестьян для завладения отдельными отраслями хозяйства и для общественного ведения его... хозяйство помещицы сразу пошло полным ходом; все работы исполнялись по наряду, все доходы поступали в общую кассу. Все в селѣ вздохнули в первый раз свободно полной грудью; все почувствовали себя людьми и, чем дальше шло время, даже темные и отсталые поняли и прониклись важностью и выгодностью новых порядков в селѣ; составлялись планы и проекты уравнительного пользования надѣлами (в селѣ были подворные порядки владения), общественной обработки и уборки панских полей; уравнительно распределялись корм и лес для по-

строек”... Конечно, правительство разгромило эту артель. („Зн. Тр. 1910 г. №30).

Каждый, кто близко стоял к крестьянам, знает, что общинника, „мирского” человека не удивишь предложением устроить артельное хозяйство. Ничего необычного и странного новый порядок, по существу своему, не представляет: „все перемены выразятся в замене обычных орудий и приемов более совершенными” (проф. А. Исаев), в уничтожении межинок и глубоких пограничных борозд, в общей работе, которая даже при наемном труде, не вызывает вражды и нередко практикуется, как общинниками, так и подворниками.

Часть освободившегося от политического гнета и экономической эксплуатации крестьянства немедленно начнет организоваться на артельных началах. Небольшие, быть может, в первое время артели будут пополняться все новыми и новыми членами. Недостаток в средствах производства и продовольствия, податной грабжа, враждебная среда — не будут препятствовать возникновению артелей, как препятствуют ныне.

Понятно и то, что как простые, так и сложные машинами артели будущего не будут распадаться под давлением эгоистических стремлений отдельных лиц. Разрушителям общины не будет расчета заводить отдельно хозяйства: как земля, так и средства производства не будут передаваться в пользование лиц, желающих нанять рабочих. Не будут также, при условии перехода земли в общенародное достояние, и желающих заниматься.

Мелкие артели, в силу экономических причин, сольются в артели-деревни и в союзы последних, как сливаются в союзы и кооперации Запада. В ряде случаев мы сразу же встретимся с распределением сообща добытых продуктов по долам. И в настоящее время наблюдается яркая тенденция к делению земли (а в артелях — и продуктов) по долам. „Необходимо заботиться о людях, как о всех одинаково равных и имеющих нужду в жизненных припасах” — такая фраза не только обычна для крестьян, но и типична в своих вариациях (видоизменениях).

Нельзя сомневаться и в том, что приобретение средств производства и предметов личного потребления (не изготовляемых в сельском хозяйстве), а также и сбыт сельских продуктов будут производиться артелью-деревней, как целым. В этом порукою служит, как тяготение крестьянства (даже западного) к таким союзам, так и организация наших волостных складов там, где, по какому то чуду, начальство не помешало их появлению.

Все это является, правда, не совершенным, но все-таки ярким отблеском той вольной, естественной, слагающейся в непоработанном общепитии, организации труда и потребления, которая будет существовать в обществе будущего.

В. Бортновский.

Весна, весна идет!... Торжественно и ясно
Сияют небеса сквозь дымку облаков,
Лепечут ручейки о том, что жизнь прекрасна,
Что надо сбросить прочь суровый гнет оков...

* * *

Весна, весна идет!... В великом обновлении
К свободе, к солнцу, вверх стозвучный гимн
летит,
И каждый светлый луч поет о наслаждении,
И каждая звезда о счастье говорит....

* * *

Весна, весна идет!... Из за ршеток ржавых,
Из каменных мѣшков она зовет за ней....
Но царь природы слеп от блеска рѣк кровавых,
Но царь природы глух от грохота цѣпей!...

Е. Н.

ЮГАН МОСТ.

17 марта исполнится шесть лет со дня смерти Югана Моста. Даем здесь краткий очерк его жизни и деятельности, помещенный в „Буревестник“ за 1909 г. в №15.

Юган Мост родился в 1846 году в Аугсбурге (Германия). Его отец был писцом у адвоката, бедняк, которому приходилось вести отчаянную борьбу из-за куска хлеба. Что детство Моста прошло в далеко неблестящей обстановке, видно из его мемуаров. Положение маленького Югана еще больше ухудшилось со смертью его доброй матери и со вторичной женитьбой его отца. Вдобавок ко всему, Мост еще тяжело заболел и, проболев 5 лет, должен был подвергнуться тяжелой операции.

Когда Мосту исполнилось 13 лет, он поступил в обучение к переплетчику. Годы его обучения прошли не лучше, чем годы его детства; очень возможно, что перенесенные им с детства страдания имели свое влияние на развитие его характера в дальнейшем. Когда Мосту минуло 16 лет, он оставил свой дом, который так ненавидел, и отправился странствовать в качестве „свободного рабочего“ через всю Германию и Швейцарию. В Швейцарии он впервые познакомился с рабочим движением и с идеями социализма. Все революционные чувства и переживания, которые до того уже развивались в груди молодого человека, вдруг нашли живое выражение в социалистическом учении и мировоззрении. В Швейцарии тогда формировались первые секции великой „Интернациональной Рабочей Ассоциации“, которая имела громадное влияние на все развитие европейского рабочего движения. Перед молодым Мостом открылся совершенно новый мир; со страстной одухотворенностью он бросился телом и душой в социалистическое движение, и этот священный огонь его юности не угас до конца его дней. Он чувствовал страдания и горе своего класса, он их сам изучил во всех подробностях, и в результате этого изучения возникло в нем горячее и страстное стремление к борьбе и самопожертвованию во имя социального освобождения. Он штудировал социальный вопрос во всех его деталях, и из ученика он вскоре превратился в учителя, в пропагандиста идей революционного социализма.

В 1868 г. Мост перекочевал в Австрию. Тогда была в Австрии пресловутая „либеральная эра“, которая началась сейчас после войны с Пруссией в 1866 г. Тогда много говорилось и писалось о социальном вопросе и о способах его разрешения. Правительство выражало свои симпатии рабочим, которые массами организовывались и объединялись, так как австрийские министры рассчитывали воспользоваться рабочим движением в своих политических и дипломатических целях. Но они были горько изумлены, когда социалистические элементы заняли первое место, и в короткое время все австрийское рабочее движение получило социалистический и революционный характер. Мост был одним из тех, которые способствовали этому развитию. Он был одним из самых популярных агитаторов, и его горячие речи всегда производили глубокое впечатление на рабочих массы.

Со временем правительство, наконец, поняло, что оно не сможет использовать рабочего движения в своих целях, и в короткое время „либеральную эру“ сменила эра преследований. 30 мая 1869 г. в Вienne состоялось собрание 10.000 рабо-

чих, которое занималось социальным вопросом. Мост был одним из ораторов. Спустя два дня он был арестован и приговорен к заключению в тюрьму на месяц. Когда рабочие увидели, что арестовываются наиболее деятельные и талантливые пропагандисты, они решили организовать грандиозную демонстрацию, чтобы требовать от так называемых народных представителей гарантировать им политические права и свободы. Демонстрация эта организовывалась в тиши, и 13 декабря 1869 г. 50 тысяч рабочих направились к парламенту. Но правительство, узнав об этой демонстрации, отложило открытие парламента.

Демонстрация все таки состоялась, и когда депутация от рабочих отправилась к министру-президенту с изложением требований рабочих, Мост и его друзья произнесли громовые речи против правительства. Министр-президент обещал рабочим сделать для них все, что будет в его силах. Он свое обещание сдержал... Спустя несколько дней Мост с еще двенадцатью агитаторами были

истинный революционер отказался и сказал, что он не желает приобрести себя свободы за счет своей чести.

Все таки Мост был освобожден скорее, чем он этого ожидал. Тяжелый политический кризис в Австрии закончился созывом нового министерства, которое поспешило амнистировать всех политических преступников. 19-го февраля 1871 г. Мост и его друзья оставили тюрьму. Тысячи рабочих его приветствовали, как только он прибыл в Вienne. Вскоре Мост опять был в первых рядах. Он совершал агитационные поездки по всей стране, и всюду его горячие речи встречали с большим энтузиазмом. Австрийское правительство было очень недовольно деятельностью Моста, и он был выслан из предель Австрии.

Мост вернулся обратно в Германию и 3 июня 1871 года Мост сделался редактором „Хемницкой Свободной Прессы“. Это было началом деятельности Моста, как журналиста.

Некоторое представление о его деятельности мы получаем из следующего мемуара „Мемуары“: „Сказать, что я агитировал днем и ночью ничуть не будет преувеличением. Газета была вечерняя, и как только она была готова, начиналось приготовление к устной пропаганде. Редко выдавался день, когда мне не приходилось говорить перед рабочими. В Хемнице я организовал все, что было возможно. Все организованные только профессиональные союзы, разумеется, были частью социал-демократической партии. Ту же работу я выполнял и во всех остальных лежащих местах. Часто случалось, что я уезжал вечером и приезжал лишь утром, чтобы редактировать газету после почти бессонной ночи“. Разумеется, что и саксонское правительство не осталось равнодушным к деятельности Моста. В течение года у Моста было 43 ареста из-за революционного языка, которым говорила его газета.

Во время своего пребывания в тюрьме, он подготовил популярное изложение „Капитала“ Маркса.

Лишь благодаря этим работам немецкие рабочие были в состоянии ознакомиться с идеями социалистического мыслителя, так как его собственные сочинения для большинства рабочих оставались совершенно недоступными. Еще прежде, чем Мост вышел из тюрьмы, хемницкое городское управление решило его не впустить в город.

Так окончилась его первая деятельность, в качестве редактора социалистического журнала.

Но его деятельность на этом не закончилась. Майнские социалисты предложили ему редактирование их органа „Западно-Немецкой Народной Газеты“. Снова начались для Моста дни тяжелого, подчас непосильного труда с теми же результатами.

3 января 1871 г. Мост был избран хемницкими рабочими депутатом в парламент. Необходимо заметить, что в те времена социал-демократическая партия еще не возлагала таких надежд на парламент; во всех социал-демократических газетах и журналах того времени писалось, что социальный вопрос никаким образом не может решаться в парламенте. В резолюциях конгрессов говорилось, что участие в избирательной кампании служит только одним из агитационных средств. Мост никогда не был большим поклонником парламентской деятельности, но и те слабые надежды, которые он возлагал в то время на эту деятельность, окончательно испарились, когда ему представилась возможность лично озна-

ЮГАН МОСТ.

арестованы. Следствием этих арестов явился в Вienne грандиозный процесс, который начался 4 июля и окончился 19 июля 1870 г. Среди обвиняемых Мост выгодно отличался своей прямоотой и неустрашимостью, с которой он возражал прокурору и говорил перед присяжными. Его остроумные замечания и блестящая защита привлекли к нему симпатии всех революционных рабочих. „Я прямо и открыто заявляю, что я социалист и таковым останусь до последнего момента моей жизни; каков бы ни был приговор, который вы мне вынесете, господа присяжные заседатели, я все же никогда не оставлю нашего знамени“. Это были заключительные слова речи Моста, и вся его жизнь ясно доказала, что эти слова были самым глубоким выражением его сокровенных переживаний. Процесс окончился осуждением Моста, Обервинтера, Шая и Фабта. Интересно, что прокурор в своей обвинительной речи требовал для Моста наивысшей меры наказания в виду его интеллигентности и остроумия.

Процесс этот страшно возбудил венских рабочих, и тысячи рабочих, до того бывших совершенно равнодушными к идеям социализма, после процесса стали социалистами. Отец Моста прилагал все старания, чтобы освободить своего сына, и ему даже удалось заручиться обещанием от австрийской императрицы облегчить участь Моста, если Мост сам об этом будет просить. Но

компьютер с нею. Убедившись, что рабочему классу парламент ничего дать не может, Мост к своей деятельности в качестве депутата относился довольно холодно, и на этом поприще он себя ничем не проявил.

Во время пребывания Моста в числе парламентских депутатов он редактировал „Берлинскую Свободную Прессу“, самую дельную из всех тогдашних социал-демократических газет. С Мостом неоднократно вступали в борьбу столпы реакции того времени: историк Момзен, политико-эконом Вагеман, настоятель Штеккер и многие другие неоднократно дебатировали с Мостом, но их всегда побуждала его могучая сила.

Трудно себе даже представить, сколько Мост успел сделать за те семь лет, которые он пробыл в Германии, и из которых он пять лет провел в разных тюрьмах. Помимо многочисленных агитационных поездок и журнальной работы, Мост за это время успел написать массу превосходных агитационных брошюр; большинство написанных им брошюр относится ко времени его сидения в тюрьмах.

11 мая 1878 г. было произведено Геделем неудачное покушение на германского императора, после которого тогдашний министр-президент Бисмарк потребовал от парламента утверждения исключительного закона против социалистов. Парламент тогда этого закона не утвердил, так как никто не вверил в серьезность этого покушения. Гедель был казнен 2 июня; три недели спустя после его покушения доктор Нобилинг стрелял в императора и ранил его. Во всей Германии началась страшная реакция; на социалистов посыпались гонения со всех сторон. Одним из первых пострадал Мост. Тогда и был парламентом утвержден закон против социалистов. Все социалистические газеты страшно притеснялись, собрания не разрешались, все организации были разрушены. Моста выслали из Берлина, и десятки шпионов наблюдали за каждым его шагом. Остальные руководители социал-демократической партии советам растерялись и не знали, что предпринять. При этих условиях Мост был вынужден оставить Германию для того, чтобы хоть из за границы иметь возможность влиять на дальнейшее развитие работы.

В декабре 1878 г. Мост прибыл в Лондон, а 26 декабря он уже решил издавать газету специально для Германии. Несмотря на пессимистическое настроение своих товарищей, Мост сколотил немного денег на покрытие расходов по изданию первого номера, и 29 декабря 1878 г. вышел в свет первый номер его газеты „Свобода“. Положение газеты в начале было отчаянное, почти никто не вверил в возможность ее существования. Мост все таки преодолел все трудности, и газета появилась в Германии.

Появление газеты в Германии произвело страшный шум. Не только реакционеры, но даже и социал-демократы были недовольны появлением газеты, несмотря на то, что она вначале была правдиво социал-демократической. Газета Моста подвергалась страшным преследованиям; для того, чтобы обезопасить себя от ввоза газеты, правительство воспретило ввоз всех газет и журналов, издаваемых в Лондоне.

В 1880 году руководители социал-демократической партии созвали съезд в Швейцарии. Съезд был созван для того, чтобы исключить Моста из партии, в которой он еще официально числился. Съезд этот они созвали без ведома Моста, но ему удалось прибыть на съезд в качестве делегата. Тогда съезд был внезапно отерочен. Спустя некоторое время съезд все таки состоялся, и Мост с Азельманом были исключены из партии.

Редактируемая Мостом газета „Свобода“ к тому времени приняла чисто анархический характер. Материальное положение газеты благодаря этому еще больше ухудшилось, но Мост и его друзья не унывали. Они каждый раз находили новые способы, как переправить газету через германскую границу. Германское правительство

страшно преследовало газету. Одним из самых дельных и энергичных помощников Моста по переправе газеты через границу был Джон Невз. Он был предан революционному делу телом и душой, нельзя было себя представить более благородного и самоотверженного человека, чем Джон Невз. В конце концов он попался с транспортом газеты и был приговорен к 15 годам каторги, где он сперва сошел с ума, а затем и скончался.

1 (13) марта 1881 года был убит Александр II. Этот акт вызвал страшное возбуждение во всех странах, и Мост в своей газете написал по этому поводу горячую статью. Как германское, так и русское правительство обратились в Лондон с просьбой обуздать ненавистного им революционера. 23 марта 1881 года Мост был арестован, а также была забрана типография, в которой печаталась его газета, и вся находившаяся в ней литература. Мост был приговорен к 16 месяцам тюремного заключения. Невозможно даже описать все перенесенные Мостом страдания во время его пребывания в английской тюрьме. С невероятными трудностями Мосту все таки удавалось писать статьи для своей газеты. Так, не имея чернил и пера, он вынужден был царапать иголкой, смоченной в разведенной краске, содранной им со стенок своей камеры.

Когда в 1882 году ирландские революционеры убили двух главных администраторов в Дублине, газета Моста выразила революционерам свои симпатии, после чего английская полиция вторично конфисковала его газету и все находившиеся там материалы. Так как там не было никакого редактора, то были арестованы два наборщика, которые набирали газету. Их приговорили: одного к 3 месяцам тюрьмы, а другого к 18 месяцам. После этого процесса в Англии не находилось больше ни наборщиков, ни издателей, которые бы согласились продолжать издание газеты. Но швейцарские анархисты взяли на себя издание газеты, которая выходила до освобождения Моста в разных городах Швейцарии.

Когда Мост вышел из тюрьмы, то он отправился в Америку, где и начала выходить его газета. Тогда среди американских рабочих велась сильная агитация за объявление генеральной забастовки; чтобы придать движению практический характер, выставлялось требование восьмичасового рабочего дня для рабочих во всех отраслях производства. Для достижения этой цели рабочими подготавливалась массовая забастовка к 1 мая 1886 г. Разумеется, что и анархисты принимали деятельное участие в этом движении, в особенности в Чикаго.

Мост отлично понимал, что и капиталисты тоже готовятся к борьбе, потому он и устно и письменно агитировал за широкое вооружение рабочих масс. 23 апреля 1886 г. Мост созвал многочисленное собрание рабочих, которое обсуждало вопрос о вооружении рабочих, следствием чего явился арест Моста и еще двух анархистов: Шенка и Броншвайга. Мост был приговорен к заключению в тюрьму на год, а остальные двое на 9 месяцев. Вся буржуазная пресса велла страшную кампанию против Моста, дабы возстановить против него общественное мнение.

Мосту во время его заключения в тюрьме приходилось страшно много страдать; с ним обращались хуже, чем с самыми тяжелыми преступниками. Когда он протестовал, то получал ответ, что Америка страна демократическая, которая не может делать различия между так называемыми политическими и уголовными преступниками. Даже и в это тяжелое для него время Мост продолжал заниматься литературной деятельностью и писать для своей газеты.

Первого апреля 1887 г. Мост вышел из тюрьмы. Это было вскоре после страшного чикагского кровопролития. Часть капиталистической прессы даже требовала, чтобы его отослали в Чикаго, где бы его повесили, как это сделали с тамошними анархистами. 12 ноября 1887 года, день после повешения пяти анархистов в Чикаго, Мост

говорил об этом на небольшом собрании в Нью-Йорке. На следующий день в капиталистической прессе появился сенсационный и абсолютно ложный отчет о его речи; Мост против этого протестовал, но это ему не помогло, и 5-го декабря 1887 г. его опять приговорили к году тюремного заключения. Более слабые люди наверняка были бы в конце разбиты такими неустойчивыми преследованиями, но железная воля и энергия Моста оставались несломленными, и он также неуклонно продолжал заниматься революционной деятельностью. В Америке Мост успел написать целый ряд брошюр. Все его брошюры, как и газета, были написаны в высшей степени оригинальным и красивым языком, так как Мост был выдающимся стилистом. Его газета „Свобода“ была самой выдающейся в анархической литературе. Писания Моста отличались сильным юмором, сарказмом и воодушевлением. Мост в течение 40 лет находился на ответственном и боевом пути пионера грядущей социальной революции. Это был человек с железной силой воли и пламенной натурой борца-революционера, который никогда не уставал в своей борьбе за идеал социального освобождения. Уже на старости лет Мосту еще раз пришлось сидеть в тюрьме. Когда Чолгош убил президента Мак-Кинлея, Мост поместил в своей газете произведение немецкого революционера Карла Гайнца: „Смерть за смерть“. Несмотря на то, что эта вещь уже была раз напечатана еще 50 лет тому назад, Моста все таки приговорили к тюремному заключению на год. Он и в этот раз перенес свое заключение мужественно и стойко.

Скончался Мост 17 марта 1906 года. Он умер не у себя дома, а в пути. Смерть его застигла в Синсинати, куда он ездил пропагандировать свои идеи. Там с ним встретила смерть и прекратила столь богатую горьким опытом и кипучую, как море, жизнь. Славная смерть, смерть без боязни и слабостей, смерть, застигающая человека в самый разгар его деятельности.

Мост до конца своих дней оставался тем же убежденным и стойким борцом, каким был в молодости. С его смертью рабочие потеряли одного из своих лучших друзей, который всегда был готов во имя идеала пожертвовать собой.

КАК ЛИДЕР ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НАЧИНАЕТ ВВОДИТЬ СОЦИАЛИЗМ ЧЕРЕЗ БУРЖУАЗНЫЙ ПАРЛАМЕНТ И КАК ОН ХОЧЕТ МИЛИТАРИЗИРОВАТЬ ФРАНЦУЗСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ.

Об этих поистине диких вещах вы можете прочесть в вышедшей минувшим годом книге вождя социалистической партии во Франции, Жана Жореса: „Новая армия“.

Его книга является первым и единственным сочинением, где принципиально-положительное отношение социалистических партий к вопросу об армии находит подробное развитие. До сих пор парламентский социализм ограничивался лишь общими фразами о необходимости введения милиции, народного ополчения, но проекта их и даже сколько-нибудь ясного определения, что такое милиция, мы напрасно стали бы искать в литературе социалистических партий.

Жорес посвятил вопросу об армии том в 675 страниц, приложив в конце его, состоящий из 18 статей, законопроект об армии, который он имеет в виду в самом скором времени внести во французскую палату депутатов.

Что же за армию предлагает Жорес и каковы цели он преследует своим законопроектом? Вот как, в кратких и главных чертах, образуется и какова должна быть армия по Жоресу.

С 10 до 20 лет дети и подростки подготавливаются к будущей военной службе в начальных

школах, а также — с 13 лет — на еженедельных воскресных сборах. Эта подготовка заключается в гимнастике, играх, ритмических движениях, маршах и в обучении стрельбе. Подготовка производится под управлением и контролем офицеров и унтер-офицеров, врачей, учителей и советников по усовершенствованию военного дела. Предварительное военное обучение — обязательно, и родители и воспитатели, замеченные в непослушании своих детей и питомцев на подготовительных занятиях, будут наказываться штрафами, а тем малышам и подросткам, которые проявят небрежность в подготовке к исполнению своего воинского долга, Жорес предлагает удлинять впоследствии срок их казарменной службы и лишать их права — по крайней мере на известное время — занимать общественные должности. По достижении 20 лет молодые люди поступают на 6 месяцев в казарму или — как мягко выражается Жорес — в школу рекрутов, где должны окончательно выработаться солдаты, вполне подготовленные для войны. До 34 лет рекрут-солдаты числятся в действующей армии и 8 раз является на сборы для участия в маневрах — больших и малых. Так создается сила в 2.000.000 человек — действующая армия или армии 1-й линии, которая, по мысли Жореса, в случае войны должна вся быть готовой к выступлению на борьбу с наступающими врагами. С 34 по 40 год граждане состоят в запасной, резервной армии, которая тоже будет полезна, как вспомогательная сила, во время войны, — и наконец, с 40 по 45 год граждане все еще не освобождаются от воинских обязанностей и образуют так называемое ополчение. Такие великие военные силы готовит Жорес.

Кого же он ставит, чтобы обучать эту армию и командовать ею? Будет 50.000 офицеров, из которых: 15.000 — постоянные, профессионалы-офицеры, получившие специальное высшее военное образование; 17.500 — временные и гражданские офицеры из лиц, имеющих дипломы высших учебных заведений, — и, наконец, остальные 17.500 — тоже временные и гражданские — получают офицерские чины не путем образования, а посредством выслуги, выслужившись из унтер-офицеров. Это трех родов офицерство, — назначаемое сверху, а не выбираемое снизу, — и будет господствовать над армией, причем временные и гражданские офицеры будут только командовать армией, а постоянные офицеры не только командовать, но и обучать ее, готовить офицеров и развивать военное дело. При этом высшие военные чины отдаются получившему высшее образование офицерству, главным образом профессионалам-офицерам, тогда как для офицеров из рядов, выдвинувшихся своими заслугами, заранее почти исключается возможность достигать полковнических или генеральских постов. Такова картина армии по Жоресу.

В одном из ближайших номеров „Голоса Труда“ мы будем говорить об отношении социализма к армии вообще, — о ее вреде и бесполезности в рамках как социалистического, так и капиталистического строя. В противоположность Жоресу — социалисту-государственнику, мы отвергаем надобность армии для социалистического строя. В противоположность Жоресу, который верит в высокое благородство военного дела армии при капитализме, мы полагаем, что в буржуазном строе армия, какова бы она ни была, служит лишь орудием в руках господствующих классов и нужна буржуазии каждой страны для борьбы с буржуазией других стран и в особенности для усмирения своих рабочих от посягательств их на деспотизм и эксплуатацию капитала.

Остановимся сейчас на частных, важнейших чертах армии, предлагаемой Жоресом. Во первых — в ней нет выборности: каждый чин, начиная с унтер-офицера, создается посредством назначения сверху, производимого разными комиссиями, где большинство голосов всегда на стороне офицерского, а не солдатского элемента. Во вторых — граждане-солдаты, по мысли Жореса, не имеют

оружия у себя на дому: последнее хранится в военных складах и выдается лишь для маневров и во время войны. Жорес лишает пролетариев оружия из опасения, что иначе французский парламент не примет его законопроект, ибо буржуазия будет бояться постоянно вооруженного пролетариата. В третьих — вводя обязательность военной подготовки для детей и подростков, Жорес предоставляет офицерам и унтер-офицерам оболванивать головы рабочих, развращать их военной дисциплиной с самого раннего возраста. А кто такие эти офицеры, в руки которых Жорес отдает армию и подготовку к ней? Эти офицеры — по крайней мере 32.500 из всех 50.000 — будут буржуа, выходцы из господствующих классов и дипломированной интеллигенции. У рабочего нет средств и не будет, если бы даже было желание, чтобы десять лет обучать своего сына в средней школе, тратить на него десятки тысяч франков, чтобы он мог потом попасть в высшую-военную или гражданскую — школу, откуда, по Жоресу, должны выходить наиболее важные офицеры, а именно: все постоянные офицеры, плюс 17.500 временных, гражданских из дипломированной интеллигенции. Рабочий находится сейчас под всякого рода гнетом своих классовых врагов и их лакеев. Жорес хочет распространить их власть, ввести профессионалов-офицеров и унтер-офицеров и военное влияние в школу, держать пролетарию в атмосфере военной с самых юных лет и вплоть до казармы — до 20 летнего возраста.

Таков милитаризм, который преподносит французскому пролетариату, именующий себя его представителем, лидер французской социалистической партии.

Жорес, конечно, заявляет, что он собирается своим законопроектом облагодетельствовать французских рабочих. И знаете, за что он выдает свой законопроект? Ни больше, ни меньше, как за первую необходимую и основную часть социализма, плана социалистической организации Франции, который Жорес тоже собирается проводить законодательным порядком через французский буржуазный парламент. Вы не верите этому? Но именно так. Об этом говорит и это подчеркивает сам Жорес в первой же главе своей книги, начиная ее так: „посредством вопросов, относящихся к национальной защите и интернациональному миру, я приступаю к изложению плана социалистической организации Франции, — плана, который я хочу внести во французский парламент в законодательном порядке“ (стр. 5).

Для Жореса социализм всегда был только рядом легальных, постепенных реформ, медленно и незаметно преобразующих капитализм. Для Жореса социализм всегда вводился через парламент и через проникновение в него социалистической партии. Но это впервые, чтобы в качестве основного, первого социалистического законопроекта он выдвигал не что иное, как именно милитаризацию французского пролетариата. Оказывается, что и это допустимо и не слишком для Жореса. В публичной защите своей книги в Париже, в январе текущего года, Жорес пытался затушевать эту, можно сказать, дикость — военный законопроект, как первое социалистическое мероприятие, проводимое через буржуазный парламент. Он просил оценить законопроект по сравнению лишь с существующей постановкой военного дела во Франции. Жорес надеется, что для рабочих и их борьбы за освобождение, его военный проект есть всетаки улучшающая положение реформа.

Жорес и здесь ошибается. От изменения армии в духе Жореса дело не улучшается, а ухудшается. Сейчас рабочий класс с каждым днем все больше освобождается от развращающего и забивающего его влияния военной, которую во Франции он принужден выдерживать 2 года в казармах. Жорес уменьшает срок казармы до 6 месяцев. Но за то на 10 лет он отдает юную голову и душу пролетария во власть и под опеку офицеров-профессионалов, вышедших из рядов буржуазии и дипломированной интеллигенции. Под угрозой

удлиненной казармы и запрещении доступа к общественным должностям, он дает право этому офицерству вбивать в юного пролетария усердие и почтение к военному делу. Взрослым он советует тренироваться по собственной инициативе в военных упражнениях и внушать детям и подросткам взгляд на военную службу, как на одно из благороднейших занятий, призывать идти на нее, как на самый прекрасный праздник. Наконец, своей системой образования армии Жорес доводит величину ее действующей части — армии первой линии — до 2.000.000, тогда, как даже главный военный штаб Франции, по словам самого Жореса, имеет в виду бросить в случае войны — в качестве действующей армии — массу не свыше 1½ миллионов. Эта духовная и физическая милитаризация, проектируемая Жоресом, не лучше того, что есть, а наоборот — гораздо хуже.

А. В.

Париж. 7-го февраля.

MEMENTO MORI.

(Помни о смерти).

„Что молчит в нас, братья, злоба?

Что любовь молчит?

Иль в любви один лишь слезы

Есть для скорбных бред?

Или силы для угрозы

В вашей злобе нет?”...

(Из письма полит. каторж. 70-х годов).

Пятнадцать месяцев прошло со дня Зерентуйской драмы...

Казалось, что буря, поднявшаяся тогда в обществе, в партийных кругах — заставит тюремщиков утихнуть свой шум. И точно: они притихли было, сократились, выжидая чем кончится этот шум, эти студенческие волнения, эти митинги протеста, во что разрешатся эти клятвы о мести и угрозы, в которых не было недостатка 15 месяцев тому назад. В Париже собирались митинги протеста против „варварства зазнавшихся тюремщиков“, против „нового преступления русского царизма“; с трибуны неслись призывы отомстить и митинг, горячо аплодируя ораторам, вместе с ними клялся „всю жизнь отдать на служение революции, на мести за погибших и погибающих товарищей“.

Казалось, что дни Высоцкого сочтены....

Так казалось нам — эмигрантам; так думали жители Зерентуйского поселка; в этом был уверен тюремный инспектор Нерчинской каторги, который перестал подавать руку Высоцкому, из опасения, что и его примут за участника в убийстве Сазонова (говорю со слов товарища, бывшего в то время в Нерчинской каторге); в этом не сомневались каторжане.

Но проходил месяц за месяцем, Высоцкий оставался жив и невредим, и снова подняли головы тюремщики, снова обнаглели они, снова зашевелились розги....

Выстрел Лагунова, вся обстановка этого покушения, не обратили на себя внимания, прошли незамеченными. Только слабое, едва слышное эхо донеслось до ушей (Дружининных¹), Маневичей²), Черленовских³), имена же их ты, господи, веди.... Они, как будто не слышали его; а если и слышали, то вполне правильно поняли и определили цену этого покушения. Случайное, неорганизованное выступление человека, не способного больше молчать и вопреки всей своей натуре пошедшего на террористический акт. Такие выступления не страшны, они не пугают. Они не заставляют даже прислушаться к ним; при мысли о них у тюремщика даже сердце не дрогнет.... Ведь они, эти садисты, с полуидиотской улыбкой

1) Помощник, зав. кат. отд. в Бутырской (Московской) тюрьме.

2) Начальник Орловской кат. тюрьмы.

3) Начальник Псковской кат. тюрьмы.

смотрящие на истязание человека розгами, они отлично умеют разбираться и давать оценку подобным выступлениям. Так было и в данном случае: поймав краем уха отзвук выстрела в Высочкаго, они сразу и безошибочно определили полную безопасность его для себя, поняли, что этот выстрел не послужит сигналом для других, что он замрет, как и родился — в одиночестве....

Я не обвиняю Партию С.-Р. в бездействии. Она вполне последовательна: если осталась неотомщенной Фрума Фрумкина, насчитывавшая за собой три террористических акта, бравшая с каторги, чтобы встать снова за браунинг; если без отомщения погиб Бердягин и многие другие — то почему же ей метить за Сазонова, Смольянинова и бесчисленных других. Да наконец и нельзя Партии, официальная и неофициальная пресса которой говорит о необходимости выступления в 4-ю Думу, заботиться и с оружием в руках охранять жизнь и честь своих плетных товарищей...

За последнее время много писалось в легальной прессе, а еще больше в зарубежных изданиях, о жизни каторжан. Каждое письмо с каторги — сплошной крик измученных, изстрадавших людей о невыносимых страданиях, о бесконечных пытках.

...«Над нами вѣет дыханіе смерти»..... пишут Псковские каторжане в своем письме ко всем социалистическим партиям России и заграницы („Будущее" № 11).

...«Здѣсь смертность среди каторжан не спускается ниже 20%»..... говорит каторжанин из Бутырской (Московской) тюрьмы. („Будущее" № 3)

...«Начальник Мациевич и тюремный инспектор фон-Кубе ввели в систему наказаний, кроме порки, резину и темный карцер под лестницей, в котором можно только сидеть в согнутом положении.... за один только 1909 год в тюрьме было не менее 35-40 самоубийств.... У всех почти заключенных перебиты барабанные перепонки в ушах»..... несет воя из Орловской каторжной тюрьмы („Будущее" № 8).

И в одном слове здесь нельзя усумниться. Каждое слово — страшная правда.

Как же реагирует наша революционная эмигрантская среда на эти стоны? Та самая среда, сердцу которой должны быть ближе всего страдания каторжан; та среда, многочисленные представители которой на своих плечах вынесли русскую каторгу? Да никак!...

Стыдно говорить! Находятся из среды бывших каторжан люди, которые печатно заявляют („Будущее" № 13) о том, что необходимо «создание за границей сети организаций помощи политическим заключенным и других аналогичных организаций, которые ставят своей целью не только материальную помощь, но и ознакомление общественного мнения Европы с тюремной жизнью, организации протестов и т. д.»... что «работа в этом направлении может служить лучшим ответом Псковским товарищам».....

Тяжела эмигрантская жизнь! Что надо было пережить и как опуститься, чтобы бывший каторжанин начал думать и говорить так!

Уже несколько лет существует комитет для оказания помощи политическим каторжанам, основанный Вфрой Николаевной Фигнер; уже несколько лет собираются по всякому поводу митинги протеста; уже несколько лет «ознакомляется общественное мнение Европы» — а в тюрьмах России все чаще и чаще свистит розга, все больше и больше умирает товарищей.

Очевидно ни «помощь», ни «протесты», ни «ознакомление» тут не помогут....

Спросите любого каторжанина, что он выберет: получать ежесекундную трехрублевую подачку, услышать клятвы зарубежных «революционеров» «всю жизнь отдать»..., услышать о возмущении лучших людей Европы или узнать о том, что обещание отомстить перестало быть одним обещанием.... Сомнительный в его выборе быть не может.

Вся беда в том, что громадное большинство наших революционеров предпочитает «за границей в борьбе право обрѣтать».

А меньшинство действительных революционеров — без средств.

Партия же С.-Р., единственная партия, имѣвшая в своей программе террор, а в своих кассах имѣющая деньги — измѣнилась. От нея нам ждать нечего. Она сыграла свою роль и умерла. Ея будущее — блок с кадетами в 4-й Думѣ.

Ал. Градов.

С'УМѢЮТ ЛИ РАБОЧІЕ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ХОЗЯЙСКОЙ ВЛАСТИ?

Говоря о невозможности для рабочих устроиться без хозяев, очень часто указывают на то, что они недостаточно проникнуты сознанием необходимости преклоняться перед дисциплиной. Рабочие будут уклоняться от работы, лѣнтяйничать, а если и начнут работать, то будут тратить время на пустые ссоры и пререканія; работа будет постоянно прерываться, будет мало производительной.

Посмотрим, в чем тут дѣло, почему возникло такое невозможное утверждение.

Самое заявление о том, что рабочие окажутся недостаточно дисциплинированными — является результатом непростительного смѣшенія двух понятий — авторитарной (начальственной) дисциплины, совершенно излишней в будущем обществе и дисциплины с одной стороны безличной, а с другой стороны вольной, которая и является неизбежной скрѣпкою всякаго общества производителей.

Допустим, что производители стали на работу. Для нас нѣтъ сомнѣній, что, революционно настроенный, только что переживший социальный переворот, пролетаріат, выступив в новой роли вольных производителей, откажется подчиняться начальственной дисциплинѣ. Наряду с этим нельзя не утверждать, что производство только выиграет от этого. Начальственная дисциплина, основанная на принципах: «молчать и не разсуждать», эта современная, нелѣпая и обидная муштровка рабочих была бы разрушительным фактором в обществе будущего. Про нее не только нельзя сказать, что она необходима, но приходится сказать, что ее необходимо уничтожить.

Безапелляционные приказанія мастеров и надсмотрщиков и в настоящее время возбуждают в рабочих вполне естественное чувство протеста. Не понимая смысла такого приказанія или считая его нелѣпым, рабочий выполняет данное распоряженіе настолько не старательно и плохо, насколько это возможно сдѣлать, не рискуя быть расчитанным.

Если вы сравните двѣ мастерскія, в одной из которых мастер выѣшивается во все поступки рабочих и берет на себя задачу «руководить» производством, а в другой мастерской другой мастер полагается на коллективную ссорку и ум рабочих, выступая только в нужных случаях в роли работника-техника, — вы сразу увидите, что во второй мастерской дѣло идет гораздо лучше, чѣм в первой, сразу увидите, что в первой гораздо больше сумбура, чѣм во второй.

Современная начальственная дисциплина, по своей сущности, сводится к выматыванію из рабочих послѣдних сил. Она безусловно неприемлема вольными производителями. «Усиленный штат мастеров, — читаем мы в отчетѣ союза петербургских рабочих по металлу, — зорко слѣдит за каждым движением рабочих. Боже упаси заговорить с соседом, закурить, отойти от станка... или, еще хуже, заглянуть в газету. Штраф, штраф и штраф! Если вспомнить, что все это продѣлывается над штучниками, которые и без того погоняют себя лучше любого погонщика, то можете себя представить, какая гонка идет на заводах».

Понятно, здоровье рабочих быстро разру-

шается от такой непосильной работы. Петербургским предпринимателям до этого нѣтъ никакого дѣла, благо деревня пошлет свѣжія силы на смѣну обезсиленных рабочих.

Вольные производители, прежде всего, должны удалить свору мастеров, дисциплинирующих современных рабочих. Надо еще замѣтить, что хозяева современных промышленных заведеній не смогли бы вести производства при наличности одной начальственной дисциплины. Все мастерскія, как соединенія планомерно работающих производителей, держатся безличной и вольной дисциплиной, которая останется и усилятся при будущем строѣ общества.

Дисциплина, необходимая для производства — это не начальственная дисциплина, не муштровка, а зависящая от объективных и субъективных условий способность содѣйствовать достиженію общей задачи, а такая способность имѣется у рабочих масс. Освободившись от начальственной дисциплины, рабочие тѣм сильнѣе объединятся безличной дисциплиной и вольной дисциплиной.

Безличная дисциплина, как называет ее Э. Берт или дисциплина объективная, как назвали бы ее мы*) — это дисциплина, покоющаяся на необходимости технического раздѣленія труда. Если какой нибудь производитель пожелает работать лѣниво или небрежно, то в силу наличности раздѣленія труда, он затормозит тѣм самым работу цѣлаго ряда других лиц. Даже в настоящее время раздѣленіе труда является лучшим контролером быстроты работы и точности ея выполненія. При объективной дисциплинѣ, в противорѣчье дисциплинѣ авторитарной, гдѣ человек подчиняется человеку, наблюдается только «интеллигентное подчиненіе» работающего работѣ.

Наряду с объективной, в будущем обществе останется и вольная дисциплина. В настоящее время эта вольная дисциплина поражает нас своею стойкостью в рядѣ случаев солидарных выступлений рабочих. Она является одним из проявлений той солидарности, о которой мы уже говорили. Дисциплина, которая создается рабочими во время стачек, по справедливости называется чудесной. Эта дисциплина имѣет свое основаніе и неизбежно являющемся желаніи не идти против товарищей по работѣ, в желаніи не идти в разрѣз с общей выгодой, не быть хуже других.

Еще Луи Блан указывал, что принцип ассоціаціи способствует развитію в человѣкѣ чувства чести в трудѣ. С этим заявленіем согласится всякій, кто видѣл на работѣ наших независимых (не кабальных) артельщиков, помочан и т. п.**)

Не так уже трудно понять китайскую пословицу: «если есть один человек не работающій, то есть другой умирающій от голода».

В будущем же обществе принцип ассоціаціи явится господствующим.

В обществе вольных производителей вольная же дисциплина будет играть еще болѣе важную

*) Вольная дисциплина — тоже безлична: в обоих случаях нѣтъ облеченнаго властью человека, который требовал бы повиновенія.

**) Замѣчается такая же интенсивность труда и у вольных рабочих других стран: «В товариществѣ Викторія (Италія) 150 его членов для защиты земли от воды (разлива рѣки По) в один день насыпали вал длиною в 900 метров и вышиною в 2½ метра. Работа велась с таким напряженіем, с таким поразительным усердіем и энтузіазмом, что была даже отмѣчена итальянской печатью». (П. Валентинов).

«Ралонхайское товарищество во время страдной поры работало „столь усердно и при соединенных усиліях давало такіе огромные результаты“, что казалось, будто-бы каждый из его членов отдѣльно и все они вмѣстѣ обѣяты пламенем дикаго энтузіазма и рѣшимости совершить какой нибудь доблестный подвиг». (Из Юлеса по П. Валентинову).

роль, чѣм в настоящее время, так как плохая работа невыгодна теперь главным образом предпринимателю, а тогда будет невыгодна производителям.

Работая прилежно, производители будут повышать тѣм самым благосостояние всего общества, а, слѣдовательно, и свое благосостояние. Высшая производительность особо прилежнаго труда не будет поступать в пользу предпринимателей, как в настоящее время. Сознание, что при новых условиях не придется уже болѣе работать для эксплуататоров, явится могучим побудителем к прилежной работѣ. Характерно, что в настоящее время, раз мы имѣем дѣло с повременной платой, рабочій вовсе не заинтересован, в большинствѣ случаев, в производительности своего труда. Если он будет работать, как работает средній рабочій, то его заработок не уйдет от него; если он будет работать прилежнѣе и лучше — его заработок не увеличится. При сдѣльной платѣ он должен даже стараться работать не особенно энергично, так как, в противном случаѣ, предприниматель не замедлит понизить его заработок, уменьшив разцѣнку.

Полусознательный саботаж в его мягких формах — обычное явление нашего времени.

Коллективный договор и он предполагает среднюю работу.

Лѣность (мы не говорим о болѣзни), недобро совѣстное отношеніе к труду будет встрѣчаться в будущем обществѣ, как рѣдчайшее исключеніе. Труд не будет болѣе считаться униженным, как считается теперь; не будет считаться удѣлом «низших» классов. С первых же дней существованія будущаго общества будут устранены тѣ особо тяжелыя условия труда, на которыя так щедрѣе предприниматели и которыя отбивают охоту работать. Производители уменьшат рабочій день, устроят мастерскія, сообразуясь с требованіями гигиены и т. д., и т. д., при чем все это сведет число лѣнтяев чуть ли не к нулю.

В настоящее время многих называют лѣнтяями только потому, что им предлагают непосильную работу и они не могут выполнить ее просто по недостатку физических сил. Как часто, прогнанный за такую лѣность рабочій умирает, через немного недѣль, в своем углу от полного истощенія, от полного надрыва организма!

В обществѣ будущаго — слабые возьмутся за соотвѣтствующую их силам работу и эти вчерашніе лѣнтяи перестанут в прилежаніи самых прилежных рабочих нашего времени.

Не мѣшает напомнить здѣсь о том превращеніи, которое произошло с рабочими Р. Оуэна, ставшими наиболѣе прилежными рабочими из отчаянных лѣнтяев, благодаря улучшенію условий труда.

На Нью-Ленарской фабрикѣ Оуэна работало болѣе 2000 человек. «Главная масса рабочих на фабрикѣ состояла из шотландцев и горных шотландцев — народа дикаго и невѣжественнаго». Пьянство, лѣнь, воровство, ссоры, драки были обычными явлениями среди рабочих. «Репрессивныя мѣры, обыкновенно принимаемыя в таких случаях, штрафы, расцѣты, сбавки жалованья, — нисколько не поправляли дѣла. Роберт Оуэн повысил заработок, уменьшил рабочій день и улучшил условия труда. Он обратился к рабочимъ слѣдующей рѣчью: „От вашего старанія зависит количество и качество фабричных продуктов, которые вы можете изготовлять на продажу. Чѣм больше будет продуктов и чѣм выше их достоинство, тѣм болѣе доходов получится с фабрики. Увеличеніе же доходов даст вамъ возможность болѣе сдѣлать в вашу пользу, — возвысить задѣльную плату, сократить число рабочих часов, увеличить удобства вашего помѣщенія и т. д. Вы видите, слѣдовательно, что, работая хорошо, вы не для одних моих барышей жертвуете своим трудом, а имѣете в виду вашу собственную прямую выгоду“.

Оуэн предоставил рабочих „своему собствен-

ному суду и наблюденію относительно качества и успѣшности работы на фабрикѣ. Никаких надсмотрщиков, мастеров, донимающих штрафами и изысканіями у него не было. Рабочіе сами слѣдили за добросовѣстным исполненіем работы, и тот из них, который работал плохо и лѣниво, подвергался только порицанію своих товарищей“.

„Втеченіе шести лѣтъ, одновременно с улучшеніем домашняго быта рабочих, пьянство и воровство постепенно исчезли; между ними развилась семейная жизнь, нравственный уровень их поднялся до небывалой высоты, и фабрика работала так, как немногія в то время, доставляя огромные барыши хозяевам“ (А. В. Каменскій).

Нечего и говорить, что в безхозяйственном обществѣ будущаго у работающих явится еще болѣе поводов к прилежанію, чѣм на фабрикѣ Оуэна.

Лѣнивый, небрежный труд (если он не является слѣдствіем саботажа) легко возбуждает отвращеніе и в самом производителѣ; труд же прилежный, даже при современных тяжелых условиях, часто имѣет неодолимую притягательную силу.

Моральное вліяніе товарищей по работѣ, нравственное вліяніе общежитія производителей, обычное право общества трудящихся — все это вмѣстѣ взятое является таким могучим средством для привлеченія людей к труду, для того, что бы они прилежно работали, что неловко даже доказывать это положеніе.

Масса населенія, труд которой будет продолжаться в гораздо лучших, чѣм прежде, условиях, масса, которая чувствует себя при бездѣльѣ прямо таки неловко, населеніе состоящее из свободных людей, а не из рабов — всегда лѣниво трудящихся, — будет работать не менѣе, а по всѣм данным болѣе энергично, чѣм теперь.

Понятно, что лѣнивая и небрежная работа цѣлой мастерской (в том числѣ и мастерских одиночек) не может сойти в обществѣ вольных производителей за прилежную работу. Лѣнивый или небрежный рабочій сразу выдѣлится с невыгодной для него стороны, а такова уже человѣческая природа, что в роли неравнаго среди равных, — по своей винѣ, никто не захочет быть. Надо также помнить, что в обществѣ будущаго люди будут браться за ту работу, к которой имѣют склонность, а не за лучше оплачиваемую или случайно подвернувшуюся, как в настоящее время. *) Еще менѣе оснований предполагать, что с момента ниспроверженія существующаго строя, люди откажутся работать. Как в настоящее время рабочіе понимают, что без работы по найму им придется умереть с голоду, так и в будущем обществѣ будет понятно, что без работы в общественных предпріятіях люди начнут умирать, как зачумленные овцы. Для того, чтобы понять это, понадобится не больше умственных успѣй,

*) «Это не труд сам по себѣ омерзителен человеку, это не естественная необходимость успѣія, которая является проклятіем; это только труд, не производящій ничего — успѣіе, результатов котораго он не может видѣть. Трудиться изо дня в день и всетаки быть едва в состояніи существовать, это дѣйствительно тяжело; это подобно адскому наказанію, принуждающему человека выкачивать воду насосом, чтобы не утонуть или ступать по мельничному топчаку для того, чтобы не быть раздавленным. Но избавленные от этой необходимости люди работали бы только усерднѣе и лучше, потому что тогда они работали бы по указанію своих наклонностей; тогда они, кажется, дѣйствительно сдѣлали бы что нибудь для самих себя и для других. Развѣ жизнь Гумбольдта была лѣнивой? Развѣ Франклин не нашел себѣ занятія, когда он покинул ремесло наборщика с достаточной суммой, чтобы прожить на нее? Развѣ Герберт Спенсер рохля? Развѣ Микель Анджело рисовал из за стола и одежды?». (Г. Джордж).

чѣм для того, чтобы понять необходимость работы в настоящее время.

Чѣм то невѣроятно странным кажется предположеніе, что производители будущаго общества откажутся работать в вольных мастерских. Это — такіе-же несерьезныя разсужденія, которыми утѣшали себя и защищали институт крѣпостного права крѣпостники-помѣщики и их идеологи: тогда тоже говорили, что освобожденные крестьяне перестанут работать, разлѣтятся, сойдутся и т. д. Но всегда существовали и всегда будут существовать тѣ объективныя условия, которыя заставляют людей работать. Всегда были и всегда будут такіе субъективныя причины, благодаря наличности которых люди будут работать.

Человѣкъ, по крайнѣй мѣрѣ, здоровый — это — работающее животное. Привычка к труду, обусловленная самим организмом человека, сложилась цѣлыми тысячелѣтіями и одна только развращающая сила власти и денег, та сила, которой не будет в обществѣ будущаго, могла создать класс праздных людей, ищущих суррогатов труда в забавах, спортѣ и т. д. Не отуманяемый разными поддѣлками под труд производитель будущаго общества будет охотно работать.

В частности в современном рабочем классѣ имѣется сложившаяся упорная привычка к труду и рабочій только тогда не ищет занятій, когда растерял в період безработицы свои физическія и духовныя силы.

В настоящее время нѣрѣдко можно видѣть скучающих в праздник рабочих — до того сильна у них привычка к труду. Мало этого, сама психика рабочих сложнаго и сложнаго-машиннаго труда — это — психика не только работающих, но и любящих свою работу людей.

Что касается до отдѣльных лиц, которыя не желают работать просто потому, что предпочитают ничего не дѣлать, то не говоря, разумеется, о болѣзнях духом или тѣлом, которые и не должны работать, можно замѣтить, что с такими рѣдкими явлениями можно и не считаться. Мы бы настаивали даже на выдачѣ таким лицам полного, так сказать, найма: во всяком случаѣ для общежитія выгоды кормить нѣскольких лѣнтяев, чѣм организовать учрежденія, борящіеся с лѣностью мѣрами принудительнаго характера.

Пріятно жить паразитствуя в настоящее время, т. е. тогда, когда паразитизм нѣрѣдко связывается с богатством и уваженіем со стороны многочисленных холопов, но, в обществѣ будущаго, и злѣйшим врагам своим нельзя пожелать жить, паразитствуя. Их положеніе будет хуже положенія богатой проститутки в кругу честных женщин. В настоящее время существует патентованное, так сказать, право на лѣность. Жить ничего не дѣлая и быть окруженным уваженіем — это нормальное положеніе дѣла в современных богатых классах общества. Структура послѣдняго как бы приспособлена к тому, чтобы создавать лѣнтяев, паразитов — им же нѣсть числа. В обществѣ же будущаго паразиты займут подвоящее им мѣсто.

Для тѣх, кто не убѣдился этими доводами, не смотря на их доказательность, можно замѣтить, что если паразитизм примет опасныя размѣры, то производители легко справятся с тѣми лицами, которыя будут прикрывать свое нежеланіе работать издѣрными предлогами.

Таким образом, в крайнем, строго говоря, невѣроятном случаѣ — у общества производителей будет в распоряженіи очень тяжелое средство побудить паразитствующій элемент встать за работу.

Говоря вообще, с социологической точки зрѣнія, всѣ разсужденія о лѣнтяях, обитавших в будущем обществѣ прилежных, дышат такой бѣдностью мысли, сводится к такой недопустимой аналогіи между здоровой коллективной и больной индивидуальной психикой, что на них можно и не останавливаться.

ЗАБАСТОВКА В ЛАУРЕНСЬ.

Вот уже скоро два месяца тянется забастовка текстильных рабочих в Лауренсѣ, Масс.

Каждый сознательный рабочий понимает, что если рабочие выходят в забастовку, то не от того, что им надоело работать и хочется отдохнуть. Для рабочих всякая забастовка — это время бурной голодовки, не говоря уже о том, что каждый бастующий рискует быть избитым, искалеченным и даже убитым охранителями частной собственности.

И все таки рабочие, доведенные эксплуатацией капиталистов до крайности, выходят на далеко неравную борьбу с капиталом; выходят тогда, когда их долготерпеливую наступают конец и когда им ничего больше не остается, как или умереть в борьбе, или победить.

Одной из таких забастовок и является забастовка текстильщиков в Лауренсѣ.

Каплей, переполнившей чашу терпения рабочих явилось проведение нового закона в штате

о повышении заработной платы на 15%, удовлетворить которое владельцы фабрик решительно отказались. Тогда рабочие в количестве 22.000 человек объявили забастовку.

Интересно отметить, что хотя забастовавшие говорят на 52 различных наречиях, это ничуть не мешает им проводить забастовку с поразительным единодушием и редко встречаемой стойкостью, не взирая на то, что со стороны капиталистов приняты все меры к провалу этой забастовки, вплоть до покушения на убийство главного организатора Индустриальных Рабочих Мира, тов. Томсона.

Столкновения рабочих с охранителями порядка начались с того, что забастовавшим рабочим был запрещен чуть ли не первый митинг только за то, что дети забастовавших перебрасывались свистками.

При отбегивании полицией одного из митингов, была убита женщина. Это убийство, совершенное по словам свидетелей, полицией-же, дало повод „нейтральному“ в борьбе рабочих с капиталиста

ной стороны учат нас, как и какими мерами должны мы бороться с капиталистами, а с другой — подчеркивают лишний раз „нейтральность“ правительства в борьбе классов.

Вывоз детей бастующих в другие города (метод впервые применяющийся в истории американского рабочего движения), где последние встречались с радостью в рабочих семьях, поднимая таким образом интерес к данной забастовке у всех рабочих, запрещен штатным правительством, которое усмотрело в этом „подрывание устоев семьи и развращение детей“.

Так как такой довод оказался абсурдным даже „моральному“ федеральному правительству, и ввиду того, что рабочие решили протестовать против такого запрещения самым решительным образом, то конгрессе, чтобы оттянуть острый момент столкновения, решил выслушать депутацию от бастующих и их детей.

После всех потерь, понесенных рабочими в течение 2-х месячной забастовки, фабриканты предлагают рабочим увеличение заработной платы на 5%.

На такое предложение представитель бастующих, тов. В. Гейвуд ответил: „Если всю эту 5% прибавку разбить на сенты, то сентов не хватит, чтобы закрыть глазки, погибшим в этой забастовке детям“. В свою очередь рабочие на всех своих митингах постановили отказаться от 5% прибавки и требовать удовлетворения всех требований, в число которых входит и требование о немедленном освобождении тов. Эттора и Джованитти.

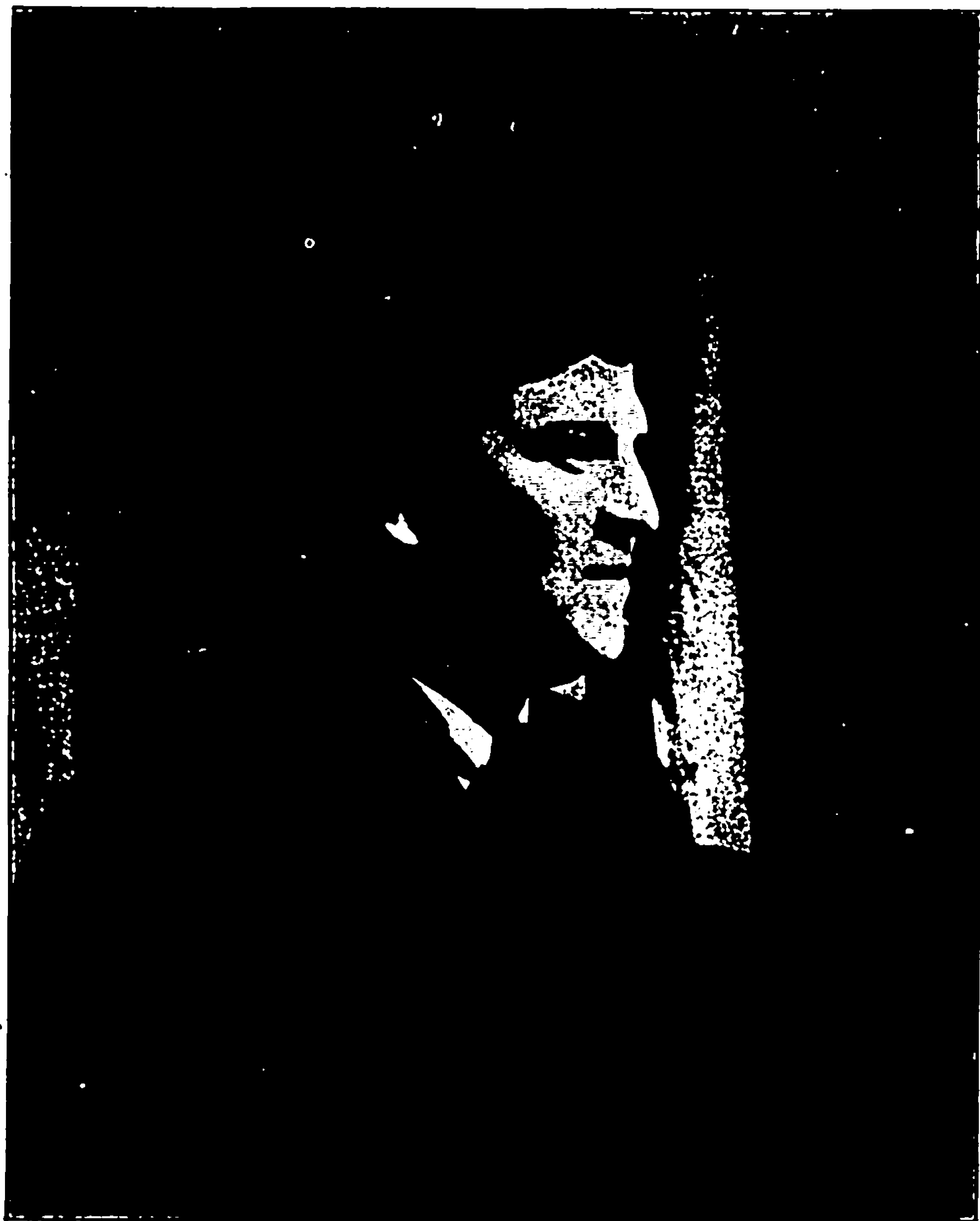
Из этих постановлений мы можем заключить, что бастующие товарищи в Лауренсѣ стоят на высь своего положения. Ни избивание полицейскими налками беременных женщин на улицах, ни подачка в виде 5% прибавки, ни даже голодная смерть детей не могут изменить сознательно решенного требования рабочих.

С особенной радостью мы приветствуем русских товарищей в Лауренсѣ, которые в количестве 400 человек не только не отстают в этой борьбе, но своей стойкостью поддерживают общий дух солидарности.

Так настойчиво и упорно проводимая забастовка должна окончиться полной победой бастующих.

Мы-же должны поддержать их материально, хотя бы последними сентами, чтобы они могли довести свою борьбу до конца.

С. Степанов.

Джозеф Эттор.

Массачузетс о работе не выше 54-х часов в неделю.

При существовавших раньше 56 рабочих часах в неделю, рабочие, которые, к слову сказать, в большинстве иностранцы, не владеющие английским языком, эксплуатировались, как только могут быть эксплуатируемы иностранцы безжалостными американскими компаниями.

Специальный корреспондент нью-йоркской газеты „Таймс“ (газеты, которую никак нельзя упрекнуть в передаче фактов, тенденциозно освещенных в пользу рабочих), хорошо ознакомившись со всеми причинами, вызвавшими забастовку, писал, что в большинстве рабочих книжек, которые ему приходилось просматривать, недельный заработок рабочего выражался в размере \$1.75, из которых часто удерживалось еще за пользование квартирой \$1.75.

Работали целыми семьями только для того, чтобы как-нибудь просуществовать. Работали дети 10-12-14 лет.

При первой же расплате после проведения закона о 54-х часовом рабочем в неделю, из заработка рабочих была удержана плата за 2 рабочих часа. Это заставило рабочих предъявить требова-

ния правительству арестовать руководителей этой стачки, членов Индустриальных Рабочих Мира, тов. Эттора и Джованитти и обвинить их в убийстве женщины, хотя обвиняемые, как доказано самим следствием, находились в то время далеко от места приписываемого им преступления.

Энергия борьбы рабочих от ареста руководителей не ослабла. Не ослабла эта энергия и от нашествия народной милиции (в рядах которой ходит много студентов), получившей приказ: стрелять в случае необходимости, очень напоминающий нам приказ русского самодура: „Патронов не жалеть.“

Рабочие продолжали свою борьбу. Преодолевая невзгодные трудности, они разставляли пикеты для отговаривания и недопущения идущих на работу интрейкбрехеров. Пикеты эти обливались полицией и милицией из пожарных насосов холодной и горячей водой. Это вынудило рабочих, в свою очередь, принять более действительные меры: они стали разбивать камнями вагоны трамвая, привозившие интрейкбрехеров, выбивать стекла в фабриках и т. д.

Каждый день забастовки в Лауренсѣ приносит нам все новые и новые вести, которые с од-

Против окна, у которого я пишу, огромный бык привязан за кольцо, продетое сквозь поздрию. Поочередно траву, он обмотал свою веревку вокруг столба и, как узник, стоит теперь, томимый голодом в виду роскошной травы, лишенный возможности даже скинуть голову, чтобы отогнать мух, которые кусают его плечи. Он много раз делал тщетные усилия, чтобы освободиться, но всякий раз, жалобно промывав, затихал, чтобы молча страдать.

Этот бык, обладающий мощной силой, но не имеющий достаточно соображения, чтобы понять, как ему освободиться, страдающий от голода посреди изобилия и действующий безпомощной жертвой слабейших созданий, — представляется мне как бы эмблемой рабочих классов....

Генри Джордж.

Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания.

Арабская поговорка.

Когда пролетариат вооружится, он будет свободен. Кто обладает желѣзом—обладает хлебом.

А. Бланки.

Важно не количество знаний, а качество их. Можно знать очень многое, не зная самого нужного.

Лев Толстой.

Забастовщики в Лауренсѣ.

ЧЕМУ УЧИТ ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

Сорок один год тому назад Париж превозгласил себя вольным, самоуправляющимся городом. Крупная буржуазия, чиновничество, высшее правительство оставили город.

Париж-Коммуна не был вольным городом коммунистов и анархистов. Он избрал своих муниципальных (городских в данном случае) представителей и не провел в жизнь коммунизма. История Парижской Коммуны была не раз написана, было издано много воспоминаний о ней. Нет, разумеется, возможности изложить в немногих строках все, что сделали коммунары; нельзя даже перечислить все выдающиеся моменты этой эпохи. Размѣры газетной статьи позволяют только отметить те уроки, которые были даны этой коммуной слѣдующим поколениям.

Прежде всего изучение этого времени дает новый материал для подтверждения того положения, по которому рабочий класс сужает организовать и вести очень сложные предприятия тогда, когда от заведывания дѣлом будут устранены все лишние предприниматели и их ставленники. Для нас особенно интересны данные о монетном дворѣ и почтѣ. Ряд вѣдомств находился в руках рабочих или служащих пролетаріев. „Всюду оказалось достаточно четвертой части обыкновенных чиновников. Директор почты, Тейе, бывший чеканщик, нашел дѣло в полном безпорядкѣ, участковая бюро закрыты, марки спрятанными или унесенными; приборы, печати, повозки были разхищены, касса разворована. Объявления, вывѣшенныя в залах или во дворах, приказывали чиновникам передаться Версалию под угрозой их смерти. Тейе дѣйствовал быстро и энергично. Когда младшіе служащіе явились, по обыкновению, чтобы разойтись, он обратился к ним с рѣчью, спорил с ними, приказал закрыть двери. Мало-по-малу удалось наладить дѣло. Нѣсколько чиновников-специалистов оказали помощь. Старшіе канцелярскіе служащіе были поставлены во главѣ учрежденія. Участковая бюро были открыты и в 48 часов пріем и выдача корреспонденціи для Парижа — возобновлены. Ловкіе агенты отправились, чтобы опустить письма в бюро Сен-Дени и на 10 лье кругом для провинцій. Ввоз писем в Париж был предоставлен во всей своей широтѣ частной инициативѣ, которая организовала агентства. Был учрежден высшій совет, который повысил оклады почтальонов, сторожей бюро, экспедиторов, сократил сверхштатную службу, постановил, что способности работников будут опредѣляться путем испытаній и экзамена.

Монетный двор фабриковал марки, управляемый Камеллиа, бронзирщиком. Также, как и в почтовом управленіи директор и главные служащіе монетнаго двора вели переговоры, затѣм исчезли.

Камеллиа, с помощью нѣскольких друзей, заставил продолжать работы и, так как каждый вносил свой профессиональный опыт, были введены усовершенствованія в приборах, новые методы. Чеканили серебряную монету из матеріала, присланнаго из Думы, из дворца Почетнаго Легіона, из разных управленій, отчасти также из богослужебной утвари” (Э. Лиссагарэ).

Как и должно было случиться с людьми, не рѣшившими раньше, что надо дѣлать с момента освобожденія от власти буржуазіи, — коммунары только в принципѣ превозгласили обобществленіе собственности, высказывались за передачу орудій производства рабочим. Они объявили національной собственностью одни только выморочныя и церковныя имущества, прекратили продажу заложенных в ломбардѣ товаров и вещей и возвратили вещи, заложенные в ссудѣ, меньшей 25 франков. Они рѣшились передать рабочим артелям покинутыя хозяевами фабрики и постановили выработать план для немедленнаго возобновленія в них работы. За кратковременностью

существованія Коммуны они не успѣли сдѣлать этого, но, разумеется, было бы много лучше, если-бы до превозгласенія коммуны, рабочіе сами знали, что дѣлать с покинутыми и с не покинутыми мастерскими, как вести в них производство.

Коммуна разрѣшила квартирантам не платить в теченіи нѣскольких мѣсяцев за квартиры, но не объявила дома Парижа общим достояніем его жителей и не произвела уравнительнаго распределенія жилых помѣщеній. Опять таки возможно, что и здѣсь она не успѣла дойти до логическаго конца в виду кратковременности своего существованія. В настоящее время даже инсургентные социалисты Франціи (не говоря уже об анархистах-коммунистах) считают необходимым тотчас же послѣ торжества социальной революціи превозгласить и немедленно осуществить право на даровое жилище.

Коммуна, нуждаясь в деньгах, не тронула почему-то сокровищ французскаго банка. Можно утверждать, что сдѣлав этот шаг, она продлила бы свое существованіе, а, вѣроятно, и упрочилась бы. Во всяком случаѣ ей не было бы страшно тогда буржуазное правительство Версаля. Оставить нетронутыми миллиарды банка было такой же ошибкой, как не раздать, напримѣр, ружья и патроны рабочим, раз эти ружья попали в руки побѣдителей-рабочих.

Коммуна не успѣла далѣе связать себя с крестьянством, не успѣла, а пожалуй, и не сдѣлала даже попытки вызвать крестьянское движеніе, бросив опредѣленный лозунг — захвата помѣщичьей земли пахарями. Ею было распространено, да и то в недостаточном количествѣ, написанное госпожей Андро Лео, воззваніе к крестьянам, важную часть котораго мы и приводим здѣсь:

„Брат, тебя обманывают. У нас одни и тѣ же интересы. Я требую того же, что и ты; освобожденіе, котораго я добиваюсь, есть не только мое, но и твое освобожденіе.... Париж стремится в концѣ концов к тому, чтобы земля принадлежала крестьянину, орудія производства — рабочему”.

Дѣло в том, что так — не стоит говорить крестьянам. Дѣло не в том, к чему в концѣ концов кто либо стремится, а в том, как сейчас, в данный момент осуществить какую либо потребность. Если уже предлагать что либо крестьянам, то надо предлагать прямо брать землю, обѣщая и, при первой возможности, поддерживая их захваты. Правда, для этого нужны были предварительныя связи с крестьянами и задача революціонеров-рабочих завести эти связи заблаговременно. Крестьяне должны знать до начала социальной революціи, что прямой расчет заставля-

Арестованный забастовщик в сопровожденіи милиціонеров в Лауренсѣ.

ет их идти в города на помощь возставшим рабочим, что и им, крестьянам, надо брать землю.

Еще важный урок дает Коммуна Парижа. Ея трагическая развязка, свирепая страшная месть, обрушившаяся на побужденных коммунаров, ясно показывает, что возставшим рабочим нет отступлений, что буржуазия мстит за свой страх и за свое, хотя бы временное, поражение, так жестоко, так низко и зло, что лучше умереть в бою, чѣм попасть живым в руки этих, ни перед чѣм не останавливающихся, врагов.

Военное дѣло было поставлено Коммуной плохо. На эту важную часть и современные революционеры обращают мало внимания.

Коммуна великоблѣнно поставила дѣло общественного призрѣнія, не смотря на то, что „врачи и низшіе служащіе оставили больницы”. Об этом пишет Луиза Мишель в своих воспоминаниях, а Лиссагарэ писал: „во второй раз с 1799 года больные и немощные нашли друзей в лицѣ своих администраторов и благословляли Коммуну, которая обращалась с ними, как мать”. Прекрасно велось дѣло телеграфа, регистратуры, государственных имуществ, національной типографіи. „Все остальные учрежденія, связанные с финансовым дѣлом, и обыкновенно представляемые высшей буржуазіей, управлялись искусно и экономно людьми, которые не думали о своей карьерѣ”.... (Лиссагарэ).

Были устроены справочныя конторы для безработных, были запрещены вычеты из заработка и жалованья (штрафы), запрещен ночной труд в пекарнях, в XX-ом округѣ кормили и одѣвали дѣтей-учеников, было рѣшено ликвидировать ломбард, замѣнить его общественной организацией, „которая предоставляла бы рабочим реальныя гарантіи помощи и поддержки в случаѣ приостановки работы”, были выработаны проекты вознагражденія лицам, пострадавшим на войнѣ и семействам убитых.

„Под самый конец, когда народ стал брать дѣло в свои руки, стали устраивать в рабочих кварталах общественныя кухни на средства коммуны-города”.

Коммуна была побѣждена войсками буржуазіи. Против нея, в случаѣ ея успѣха, могли двинуться и полки нѣмцев-завоевателей, стоявшіе недалеко от Парижа. Но дѣло Коммуны не погибло, и это дѣло она сама характеризовала в слѣдующих словах: „революція, которую мы проповодим, — есть социальная революція”.

П. Волош.

СРЕДНІЕ КЛАССЫ ОБЩЕСТВА.

Соціал-демократы часто указывают рабочим на то, что развитіе экономической жизни приближает нас к социалистическому обществу. Надо только подождать того времени, когда капитализм запутается в своих собственных противорѣчіях и тогда будет уже легко организовать на социалистических началах: владѣльцы капитала окажутся безсильными перед натиском рабочих.

В рядѣ других невѣрных указаній мы часто встречаемся с заявленіем о том, что капиталы концентрируются и что таким образом силы рабочих увеличиваются. Говорится, что число капиталистов все уменьшается, так как болѣе крупныя из них погивают болѣе мелких, что таким образом уменьшаются в численности средніе классы общества, переходя в ряды пролетаріев, а численность послѣдняго растет и абсолютно и относительно ко всему населенію.

В сущности все это невѣрно. Мы присутствуем при невыгодном для рабочаго класса процессѣ накопленія капитала и объединенія капиталистов в разныя союзы, а не при концентраціи капиталистов, смѣшивать которую с накопленіем и объединеніем в союзы болѣе, чѣм ошибочно.

В этой статьѣ придется остановиться только на одной части затронутого вопроса, а именно

выяснить исчезают ли средніе классы общества, экспроприруемые крупными капиталистами.

Нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы численность средних классов общества уменьшалась. У нас, напримѣр, в Сѣверной Америкѣ эти классы составили в 1870 г. — 6,3% всего населенія, а в 1900 г. — 12,7%. Но мы остановимся здѣсь на Германіи, о которой имѣются интересныя и подробныя свѣдѣнія.

Как вездѣ, средніе классы Германіи состоятъ из слѣдующих групп населенія: 1) мелких и средних предпринимателей, владѣльцев торговаго и ссуднаго не крупнаго капитала, 2) лиц, живущих на заготовленные уже средства — рентьеров, 3) военных и штатских чиновников, 4) представителей разных либеральных профессій и 5) лиц, служащих в индустриальных, торговых и транспортных капиталистических предпріятіях.

Посмотрим теперь, уменьшилась ли в Германіи первая группа принадлежащаго к средним классам общества населенія. По переписи 1895 года число средних предпріятій, (насчитывающих от 6 до 50 рабочих, каждое) равнялось здѣсь 108.800, а в 1907 году оно поднялось до 154.330. К общему числу капиталистических предпріятій (не считая, слѣдовательно, предпріятій одиночек) эти предпріятія составляли 15,25% (15¼) в 1895 году и 16,42% (почти 16½) в 1907 г. И так увеличилась их абсолютная и относительная численность. Увеличилось и число рабочих, занятых в этих предпріятіях, поднявшись с 1.390.745 до 2.109.164. Увеличилось и число рабочих, приходящихся на каждое такое предпріятіе: в 1895 году на одно такое предпріятіе приходилось около 13 (12,8) рабочих, а в 1907 году — около 14 (13,7). Ничего похожего на экспроприацию капиталиста капиталистом здѣсь не происходило.

О ростѣ второй группы, о рентьерах мы процитируем слова профессора К. Воблаго. Число самостоятельных без профессій возрасло в Германіи „с 1.400.000 до 3.400.000” т. е. болѣе, чѣм на 151%. За четверть вѣка с 1882 по 1907 год число лиц, живущих от заготовленных средств увеличилось в 2½ раза. „Германія начинает приближаться к типу Франціи — этого государства рентьеров. Новѣйшія капиталистическія страны накапливают богатства, которыя позволяют болѣе значительной, чѣм было раньше, долѣ населенія жить от заготовленных средств”.

Что касается до роста численности чиновников, то в Германіи в государственном управленіи и судѣ числилось в 1882 году 221.700 человек, а в 1907 году уже 390.000. Мы наблюдаем, слѣдовательно, увеличеніе на 83%, тогда как все население увеличилось за это время только на 36,5%.

Говоря далѣе о той группѣ средних классов общества, которая включает в себя лиц, занятых либеральными профессіями и состоит из лиц, посвятивших свою дѣятельность медицинѣ, образованію, искусству, наукѣ, религіи, мы увидим, что и эта группа возрасла за разсматриваемое 25-лѣтіе с 338.200 человек до 697.300, т. е. болѣе, чѣм вдвое.

Число „служащих капитала” опять таки сильно возрасло в Германіи. С 1882 г. до 1907 оно увеличилось на 320% и достигло 983.400 человек. В 1882 г. в индустріи приходилось на одного служащаго 41,3 рабочих, в 1895 — 22½, в 1907 году только 12½ человек. В частности персонал надзора увеличился в индустріи за період 1895—1907 г. с 105.000 до 241.000 человек, т. е. почти в 2½ раза. В транспортѣ и торговлѣ мы опять таки видим рост числа служащих, обгоняющій рост численности рабочих. Большая часть этих служащих принадлежит к средним классам общества. Едва ли не все они, по своей психикѣ, живо праждебны социалистическим стремленіям пролетаріата и, как бы ни были близки они к послѣднему с формальной стороны, было-бы грубой ошибкой, а в нѣкоторых случаях самообольщеніем, причислять их к рабочему классу. Рабочіе

прекрасно понимают, что все эти управляющіе, мастера-надсмотрщики стоят на противоположной сторонѣ баррикад.

Мы разсмотрѣли все группы, составляющія средніе классы Германіи. Ясно, что Бебель жестоко ошибался, когда писал: „—среднее сословіе становится... во все болѣе сомнительное положеніе... мелкія или болѣе слабыя существованія уничтожаются и, если им не удастся спастись в другую область, что становится все труднѣе, то они спускаются в класс наемных рабочих или катилиповеских (авантюристских) существованій”. Ничего подобнаго не замѣчается. Средніе классы общества растут в численности и процвѣтают. Труд становится все болѣе и болѣе производительным и может давать средства существованія все большому и большому числу лиц из средних и высших классов общества. Совершенно фантастична также, лишена всякаго научнаго основанія и слѣдующая фраза А. Дуначарскаго: „увя! реформы для поддержанія базы своей — средних классов ломаются, как соломенные подпорки, под бурным натиском экономической стихіи, постепенно раздавливающей „средних людей” между капиталом и пролетаріатом”.

Еще в 30-х годах прошлаго столѣтія было указано, что средніе классы — враги рабочаго класса и эти враги растут численно. Экономическая эволюція не ведет к торжеству рабочаго дѣла. Но к нему ведет все растущая сознательность рабочих, все растущее желаніе сбросить со своих плеч иго капитала и власти. И рабочіе достаточно сильны для того, чтобы освободиться от этого ига. Для этого необходимо только одно: не слушать тѣх спрен, которыя убаюкивают рабочих сказками, что сама экономическая жизнь приближает их своей эволюціей к социалистическому обществу. Придется самим, своими силами сбросить это, ставшее, в силу возросшей сознательности, непереносимым иго.

К. Васин.

РЕВОЛЮЦІЯ В МЕКСИКѢ.

Несмотря на преступное замалчиваніе Мексиканской революціи „социалистической” прессой в Америкѣ, борьба продолжается там и никакія, самыя реакціонныя мѣры президента Мадеро не в силах потушить революціоннаго пламени.

Свобода печати фактически существует только для восхваленій Мадеро; кто осмѣливается написать против него, того бросают в тюрьму. Настоящее правительство своим произволом не только не уступает правительству изгнаннаго президента Порфирія Діаза, но и превосходит его в звѣрствах.

Все болѣе или менѣе вліятельныя посты замѣщены родственниками Мадеро; так, брат его Эмилио состоит министром юстиціи, дядя Эрнесто Мадеро — министром финансов, племянник Фернандес — министром народнаго просвѣщенія, другой племянник Виллеран — губернатором большой провинціи и т. д.

Даже буржуазная печать, достаточно честная, чтобы сказать правду, обвиняет Мадеро в плачевном положеніи страны. Против него возстали многіе из его прежних сторонников с цѣлью его низверженія и захвата президентскаго поста, но недовѣріе друг к другу совершенно парализует их дѣйствія.

Единственная партія, дѣйствительно искренно преданная народным интересам, серьезно борющаяся против господства буржуазіи и за уничтоженіе власти, это — так называемая Либеральная партія (не имѣющая ничего общаго с буржуазными партіями этого названія), выступающая под девизом „Земля и Воля”. Постепенно, но неуклонно, она пронагандировала в народных массах идею коммунизма и в настоящее время нѣтъ ни одной мексиканской провинціи, в которой небыло бы десяти, двадцати и даже тридцати пародных коммун. Ежедневно коммунистическая

идея проникает все глубже в массы, а возставший народ, где возможно мирно, а где необходимо силой, захватывает все новые местности.

Либеральная партия распространяет по всей стране революционный манифест следующего содержания:

„Мексиканцы! Юнта Мексиканской Либеральной партии возирает с симпатией на ваше движение за осуществление высокого идеала политического, экономического и социального освобождения, торжество которого во всем мире положит конец борьбе человека с человеком и неравенству жизненных условий, являющихся следствием частной собственности.

Уничтожение собственности, это значит — уничтожение политических, экономических, социальных, религиозных и всех других цбней.

Капитал, власть и церковь — вот враги народа.

Следуя этому сознанию, юнта Либеральной партии объявила государству, капиталу и духовенству неумолимую борьбу.

Вперед все, чтобы конфисковать имущество, которым владеют богатые.

Конфискация должна быть проведена хотя бы для этого пришлось употребить насилие. Мы должны взять не только землю и орудия производства, но и рудники, фабрики, мастерские и суда.

Жители каждой местности должны объединиться, чтобы соответствующим способом завладеть хранящимися в магазинах и складах продуктами. Мужчины и женщины добровольно с готовностью установят наличность оказавшихся и произведут раздѣл.”

Этот манифест доказывает, что Либеральная партия серьезно стремится осуществить свои идеалы. Провозгласили уже коммуны жители следующих городов: Морелос, Пуэбло, Мичоакан, Гуэрреро, Сонора, Синолао, Жалиско, Чингаогуа, Оксакан и Тукатан. В числе перечисленных — есть несколько очень значительных.

При таких обстоятельствах понятно, почему правительство Соединенных Штатов с таким вниманием следит за происходящими там событиями и концентрирует на мексиканской границе войска. Солидарность грабителя обязывает.

Занята, командующий революционной военной армией, господствует в четырех провинциях. За его голову назначена высокая цена.

Революционеры объявляются буржуазией (и, к прискорбию, не ею только, но и социал-демократами) бандитами и им приписываются разные позорные дѣяния, что вынудило революционный орган „Регенерация” выступить против таких обвинений со следующим поззванием:

„Мексиканцы, оберегайте свою честь! Против каждой революционной военной колонны, операции которой направлены фактически не на конфискацию имущества богатых и передачу его в общее народное достояние, вы должны бороться с такой же энергией, как против войск Мадеро, считая ее враждебной народу!”

„Фр. Арб.”

НОВОЕ ЕВАНГЕЛІЕ.

Глава 5-ая.

1. В храмъ была служба и было в нем большое стечение народа, книжников и фарисеев.
2. Кто-то спросил его: „Что будет с этими?” Он отвѣтил: „Почем я вѣдаю? Но у них много оснований бояться.
3. „Ибо в тѣ дни про них сказано: — „Время милосердія прошло, колокола смерти умолкли”.
4. Церковный служитель, услышав эти слова, воскликнул: „Этот человек богохульствует! Пусть он уйдет отсюда!”
5. И собралась толпа книжников и фарисеев, чтобы прогнать его с наперти.

6. И он сказал им: „Горе вам, книжники и фарисеи, что затворяете царство небесное человекомъ, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете.
7. „Горе вам, книжники и фарисеи, гробы пованченные, которые снаружи кажутся чистыми, а внутри полны могильных червей и гнили.
8. „Горе вам, книжники и фарисеи, что обходите моря и земли, чтобы вѣру обратить людей, ибо этих обращенных дѣлаете в 10 раз порочнѣе, чѣм вы сами.
9. „Горе вам, книжники и фарисеи, что поѣдаете имущество вдов и сирот под предлогомъ молитв за них и богоугодных дѣл.
10. „Горе вам, книжники и фарисеи, что проповѣдуете воздержание и бѣдность, а сами собираете богатства и жаждете почестей и власти.”
11. Тогда один муж государственный сказал ему: „Человѣкъ, говоря таким образом, ты оскорбляешь нас.”
12. И он отвѣтил: „Горе вам также, законники и моралисты, что обременяете мир тяжелыми правилами, дѣйствіе которых вы не ощущаете.
13. „Горе вам, что воздвигаете статуи тѣм, которые убили ваших отцов и продолжают убивать всех, кто говорит тѣ-же вещи.
14. „Ибо у вас спросят отчет за всю кровь, пролитую для поддержки нашего могущества.
15. „За кровь всех, кто пришел сказать часть правды, кого вы убивали, сжигали, дупили, обезглавливали, разстрѣливали.
16. „За всех, которые умерли в темницах, под солнцем Кайенны или сѣгомъ Сибиріи.
17. За всю эту кровь, за все страданія у вас спросят отчет прежде, чѣм это поколѣніе не исчезнет”.
18. И народ толпился вокруг него, бормоча: „он очень смѣл, он не будет долго разговаривать”.
19. Он сказал им притчу: „Один человекъ, умирая, оставил в наследство своимъ двум сыновьямъ богатый фруктовый сад.
20. „Младшій из сыновей умѣл читать и писать, но был полон коварства и злобы.
21. „Другой был простой и добрый, но был нечестивъ, ибо он постоянно трудился, дѣлая каждый день сверх своей работы и работу своего брата
22. „И когда отец умер, младшій сын взял бумагу и написал на ней тысячи глупостей и тысячи нечестностей.
23. „И давая ее брату, который не умѣл читать, сказал ему: „Эта бумага — завѣщаніе воли нашего отца.
24. „Вот что он нам приказывает: „я должен вести счета, читать молитвы и дѣлать таинственные вещи, которых ты по простотѣ своей не поймешь.
25. „А ты должен обрабатывать фруктовый сад, подрѣзывать деревья, ухаживать за их побѣгами и прививать дички.
26. „И ты соберешь плоды, когда они созрѣют, но мы их не сѣдим, ибо они будут для нашего умершаго отца — и в этом священная тайна.
27. „Невѣжда повѣрил и повиновался ему долгое время, но однажды он научился читать.
28. „И он прочел мнимое завѣщаніе отца и увидал, что в нем лишь тысячи нечестностей, которые выдумал его брат.
29. „И он начал присматривать за своим братом и достиг его однажды, когда он ѣл плоды из фруктового сада,
30. „И выбрасывал то, чего он не мог сохранить для того, чтобы его обман не был открыт.
31. „Тогда он возмущенъ из глубины сердца своего против лицемернаго брата и прогнал его далеко от фруктового сада.”

32. А книжники и государственные мужи, услышав это, пришли в бѣшенство, ибо истина — что жесткое терніе.

33. И начали предлагать ему коварные вопросы, чтобы поймать его в преступленіи против закона и убить его.

Государство — основа рабства труда; с освобождением труда, погибнет и государство.

Штирнер.

Чтобы могла жить революція, должны умереть ея враги.

Марат.

Для совершенія великих дѣл, необходима самая пылкая страсть.

С. Юст.

Есть три вещи, чтобы сдѣлать побѣдной революцію: смѣлость, смѣлость и еще раз смѣлость.

Дантон.

Революція была предана, когда была объявлена священной собственностью. Поэтому мы требуем обобществленія средств производства и потребления.

Бабэф.

Бродяга есть необходимое дополненіе к миллионеру.

Генри Джордж.

„Голос Труда” можно получать у секретаря Русской Рабочей Группы А. Роде-Червинскаго: 122 E. 4-th st., yard house, 2-nd floor.

ПОСТУПЛЕНІЯ:

В пользу „Голоса Труда”:

От Педерсена 40 с., Колесникова 1 д. 50 с., Г. Райны 10 с., Рыбниа, собранные по подписному листу 2 дол., А. Звездинцева 15 с.

В пользу бастующих в Лауренсѣ:

От Лобача 50 с., сбор на митингъ 1 дол.

В пользу ссыльных и заключенных:

От Васюхино 65 с.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТ РУССКОЙ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ В НЬЮ-ІОРКѢ с 1-го января 1911 года по 21 февраля 1912 года

ПРИХОД:

Оставалось к 1 января 1911 18.55

ПОСТУПИЛО:

Вступительных и членских взносов	85.55
От продажи „Г. Т.” и подписки	230.23
„ предприятий	580.89
„ ликвидирован. о-ва „Просвѣщеніе”	16.35
„ продажи литературы	49.11
За объявленія	31.20
„ портреты Толстого	18.65
Сбора на лекціях	5.86
На Мексиканскую революцію	3.55
Для полигич. ссыльных и заключенных	37.25
„ бастующих в Лоуренсѣ	1.50

Вспомоществованій „Г. Т.”

От Союза Р. Р. в Сеаттлѣ, Ван.	47.45
„ Группы содѣйствія в Сеаттлѣ, Ван.	23.65
„ Союза Р. Р. в Портландѣ, Оре.	10.72
„ Группы содѣйствія в Детроитѣ	17.83
„ „ „ в С. Франциско	2.00
„ разных лиц	50.05

Итого в приходѣ с остатком \$1230.39

РАСХОД:

На бумагу, набор и печатание „Г. Т.”	328.84
„ печатание устава и прог. группы	6.50
„ наем квартиры для группы	8.00
„ наем помещений для митингов и лекций	12.75
„ портреты Толстого	41.35
„ почтовые расходы	56.03
„ аренду почтового ящика	18.14
„ типографские принадлежности	11.78
„ канцелярские принадлежности	11.73
„ объявления	16.10
„ литературу	25.23
„ развозку „Г. Т.” по стандам	31.50
„ предприятия	469.09
Передано Мексиканской конференции	3.55
„ Анархическому Красному Кресту	36.60
„ бастующим в Лоуренс	1.50
„ в фонд защиты редактора газеты „Агитатор”	5.00

Итого в расходѣ \$1083.69
К 21 февраля состоит в наличности \$146.70
Секретарь Р. Р. Г. А. Роде-Червинский.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТ

РУССКОЙ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ В НЬЮ-ИОРКЪ

за время с 21 января по 21 февраля 1912 года.

ПРИХОД:

Оставалось к 21 января 170.09

ПОСТУПИЛО:

Членских взносов	13.50
От продажи „Г. Т.” и подписки	23.82
За портреты Толстого	.60
„ литературу	6.66
Собрано на митингъ 22 января на оплату помещений	1.50
Собрано на митингъ 22 января в пользу бастующих в Лоуренс	1.00
От частных лиц в пользу бастующих в Лоуренс	.50
В пользу ссыльных и заключенных Вспомоществований „Г. Т.”:	1.65
От Союза Р. Р. в Сеаттлѣ, Ваш.	24.75
„ Группы содѣйствія в Сеаттлѣ, Ваш.	1.75
„ разных лиц	4.30
Итого в приходѣ с остатком	\$250.12

РАСХОД:

На набор, печатание и бумагу №12 „Г. Т.”	38.72
„ клише для объявлений	2.88
„ объявления	2.00
„ почтовые расходы	6.42
„ канцелярские расходы	.35
„ литературу	5.95
„ наем квартиры	8.00
„ помещение для митинга	1.50
Передано Анарх. Кр. Кресту	36.10
„ бастующим в Лоуренс	1.50

Итого в расходѣ \$103.42

К 21 февраля состоит в наличности \$146.70

Анархический Красный Крест приносит свою товарищескую благодарность Союзу Р. Р. в Сеаттлѣ, Ваш., приславшему через „Голос Труд” \$35.10, из коих \$28.65 были выручены с устроенной им вечеринки, а остальные \$6.45 были собраны по подписному листу в Ист-Саундѣ.

А. К. К. благодарит также тов. Пересада, которым был прислан через „Г. Т.” \$1.00.

Секретарь А. К. К. С. Блехман.

ОТЧЕТ Р. П. Р. ГРУППЫ в ЛИННѢ, МАСС. ЗА ЯНВАРЬ 1912 ГОДА.

ПРИХОД:

Остаток на 1 января 1912 г.	23.42
От продажи газет	3.03
Пожертвований	2.00
Членских взносов	2.75

Итого с остатком \$31.20

РАСХОД:

За квартиру	5.00
„ газеты	1.80
Для голодающих в Россіи через „В. О.”	.55
В Анарх. Кр. Крест через „Г. Т.”	1.00
Подписка на журналы „В. Зн.” и „Природа и Люди”	6.69
Переплетные принадлежности	1.31
Пересылка денег и писем	.53
Письменные принадлежности	.15

Итого в расходѣ \$17.03

Остаток на 1-ое февраля 1912 года \$14.17

Секретарь А. Слѣпчук.

Казначей Н. Кальний.

Объявленія

Имѣется в продажѣ при редакціи

„ГОЛОС ТРУДА“

БРОШЮРА

В. Дьячкова-Тарасова

„О новых силах в революціонных кадрах“

Цѣна 5 сент. с пересылкой.

Подписка и объявленія для „Голос Труд” в Чикаго принимается у г. Краснова.

G. KRASNOFF

720 W. 12th St., Chicago, Ill.

Пробный номер газеты „Голос Труд”
высылается
бесплатно.

Поступила в продажу новая драма
А. КАРТВЕЛОВА
„АНТИБАБНИК”
Цѣна 15 с.
Адрес главного склада:
W. DEERIN
5619 Harvard Ave. Cleveland, O.
Выписывающіе из главного склада
за пересылку не платят.
Книгопродавцам значительная
скидка.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на ежемѣсячный журнал
„ЛУЧ”
„THE RAY”

Подписная цѣна: в Соед. Шт. на
год 50 с., на пол года 35 с.; за пре-
дѣлы Соед. Шт. — на год 1 дол., на
пол года 70 с.
Журнал печатается на двух язы-
ках — англійском и русском.
Адрес конторы:
THE RAY, 258 — 4-th Ave.
Detroit, Mich.

Тов. Грюнберг!

Не может ли Ваш пріятель сооб-
щить Шатову свой адрес.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на ежемѣсячную прогрессивную,
политическую, литературную и на-
учно-популярную газету
„ВЕЛИКИЙ ОКЕАН”
под редакціей А. П. Щербана
Условія подписки:
В Соед. Штатах и Мексикѣ:
на год \$2.00, на 6 мѣс. \$1.00
За границу и в Канаду:
на год \$2.50, на 6 мѣс. \$1.30.
Всю корреспонденцію и подписку
на газету слѣдует направлять по
слѣдующему адресу:
1328 EAST FIRST ST.
LOS ANGELES, CAL.

НОВѢЙШІЙ САМОУЧИТЕЛЬ
АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА
с произношеніем и словарем англ.-
русс. и русско-англ., при помощи
котораго легко и скоро можно нау-
читься читать, писать и говорить
по англійски.
Цѣна с пересылкой 50 сентов
Деньги можно присылать почтовы-
ми марками или переводами по
адресу:
J. MALAVSKY
99 E. 7-th str. New York, City

Через редакцію „Голоса Труд”
можно получать слѣдующія изданія
книгоиздательства „Новая Литера-
тура”:
„ЧЕРЕЗ КОЛЕСУХУ НА ВОЛЮ”
Ал. Градова.
Цѣна 7 с. с пересылкой.
КРАСНЫЙ НАБАТ
Ив. Малѣева.
Цѣна 6 с. с пересылкой.

В редакціи „Голоса Труд”
продаются
большого формата
ПОРТРЕТЫ Л. Н. ТОЛСТОГО
Портреты изданы на плотной бума-
гѣ и хорошо отпечатаны.
Цѣна 25 с., с пересылкой 30 с.

TEL. ORCHARD 2000
Доктор Л. И. ЦИГАЛ
ЗУБНОЙ ВРАЧ
Императ. Новорос. Университета.
67 E. 3rd STREET
изъ Секонд Авеню Нью-Йорк

ТОВАРИЩ ТИХОН!
Сообщите свой адрес.
П. Лобач.

В ГОДОВЩИНУ „ГОЛОСА ТРУДА” РУССКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА В НЬЮ-ИОРКЪ

УСТРАИВАЕТ В СУББОТУ 16 МАРТА, 1912 ГОДА

CONCERT and BALL

КОНЦЕРТ-БАЛ

В Grand Manhattan Hall, 309-11 Grand Street, Corner Allen Street

ЦѢНА БИЛЕТА 25 СЕНТОВ.

НАЧАЛО В 8 ЧАС. ВЕЧЕРА.

ГАРДЕРОБ БЕЗПЛАТНО.